

О СУЩНОСТИ И ФОРМАХ СОВРЕМЕННОГО НОРМАНИЗМА

В. П. Шушарин

Сложный вопрос об образовании Древнерусского государства вот уже более двухсот лет привлекает внимание ученых¹. Для историков-норманистов, отводивших в процессе образования Древнерусского государства главную роль варягам-норманнам, изложение данного сюжета всегда являлось одним из средств для «доказательства» неспособности русского народа к самостоятельному историческому творчеству. Борьба против такого рода взглядов, которую вели некоторые русские историки, была не только проявлением их стремления установить историческую правду, но и служила выражением их патриотизма.

Важно отметить, однако, что в дореволюционный период и норманисты и антинорманисты стояли на идеалистических позициях, допуская возможность возникновения государства в результате деятельности отдельных исторических личностей. Спор между ними шел, в сущности, по вопросу о том, откуда на земли восточных славян явились деятели, создавшие Древнерусское государство. Поэтому в те годы проблема образования государства у восточных славян не была, да и не могла быть решена. В этих условиях построения норманистов могли еще в какой-то мере представлять собой одну из гипотез, объяснявших причины возникновения государственности у восточных славян.

Коренным образом изменилась роль норманской теории в наше время. Советские историки, используя марксистско-ленинскую методологию, доказали, что Древнерусское государство появилось в результате разложения первобытнообщинного строя, развития производительных сил и складывания основных классов феодального общества². Воссоздав картину становления восточнославянской государственности, выявив предпосылки и условия этого процесса, историки-марксисты опровергли тем самым версию о создании Древнерусского государства варягами. Теперь борьба сторонников норманизма против советской исторической науки яв-

¹ О борьбе норманистов и антинорманистов в дореволюционное время см. Б. Д. Греков. Образование Русского государства. «Большевик», 1945, № 11—12, стр. 25—34; В. В. Мавродин. Борьба с норманизмом в русской исторической науке. Л., 1949.

² Данные письменных и археологических памятников обобщены в работах: Б. Д. Греков. Киевская Русь. Избранные труды. Т. II. М., 1959; его же. Генезис феодализма в России. «Вопросы истории», 1952, № 9; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953; Б. А. Рыбаков. Образование Древнерусского государства. М., 1955; «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.». Ч. I. М., 1953; «Нариси стародавньої історії Української РСР». Київ. 1957; «Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв.». М., 1958. Основные выводы советской историографии по проблеме генезиса феодализма и образования Древнерусского государства изложены в статье чехословацкого историка Б. Застеровой (B. Zášterová. Hlavní problémy z počátku dějin slovanských národů. Rusové. «Vznik a počátky slovanů». T. I. Praha. 1956, s. 69—83). Аргументацию советских археологов против норманизма обобщил другой чехословацкий историк — И. Кудлачек (J. Kudláček. Boj sovietskej archeologie proti normanzmu. «Časopis pro slovanské jazyky, literaturu a dějiny SSSR». Praha. 1956, № 3, s. 421—446).

ляется частью борьбы идеализма против материалистического понимания истории, частью идеологической борьбы нашего времени. Нельзя поэтому рассматривать выступления советских ученых против норманизма как простое продолжение дореволюционной полемики.

Отстаивание современной буржуазной историографией положений норманской теории стало одним из способов грубого извращения, фальсификации истории.

Современные буржуазные историки-норманисты стремятся исказить истинное положение вещей, опровергнуть факты, введенные в научный оборот советскими учеными. Поэтому из гипотезы норманская теория превратилась в средство фальсификации истории. В лице современных буржуазных норманистов советским ученым противостоят люди, фактически стремящиеся лишить восточнославянские народы их истории и с этой целью искажающие их прошлое.

Борьба против буржуазной идеологии и фальсификации истории требует раскрытия истинной сущности варяжской теории, изучения различных сторон современного норманизма, выявления его форм, характеристики его роли и места в развитии буржуазной историографии, в политической и идеологической борьбе. Данная статья представляет собою попытку рассмотреть проявления современного норманизма в указанном выше плане.

Чтобы составить представление о состоянии современного норманизма, необходимо привлечь не только сочинения отдельных норманистов, но и рецензии на их книги в буржуазной периодической печати, что поможет уяснить отношение основной массы зарубежных историков к варяжской теории.

Советские историки уже не раз высказывали свое отношение к отдельным проявлениям современного норманизма, вскрывая историко-ведическую несостоятельность и политическую подоплеку сочинений зарубежных сторонников варяжской теории³. Разбор взглядов современных норманистов занимает значительное место в работе польского ученого Г. Ловмянского, выясняющего роль норманнов в образовании славянских государств⁴. Этот труд получил высокую оценку в печати Польши, ГДР и Советского Союза⁵.

Однако до сих пор в советской литературе нет общего очерка современного состояния норманизма в целом. Автор недавно опублико-

³ Б. Д. Греков. О роли варягов в истории Руси. «Новое время», 1947, № 30, стр. 12—15; его же. Антинаучные измышления финского профессора. «Литературная газета», 7 июня 1950 г.; М. Н. Тихомиров. Славяне в «Истории России» проф. Г. Вернадского. «Вопросы истории», 1946, № 4, стр. 124—129; его же. Откровения Чедвик о начале русской истории. «Вопросы истории», 1948, № 4, стр. 112—115; С. П. Толстов. Древнейшая история СССР в освещении Г. Вернадского. «Вопросы истории», 1946, № 4, стр. 113—124; С. А. Покровский. Неонорманистская концепция образования Русского государства. «Советское государство и право», 1946, № 1, стр. 84—88; Е. Э. Липшиц. О исходе Руси на Византию ранее 842 г. «Исторические записки». 1948, т. 26, стр. 312—333; М. В. Левченко. Фальсификация истории византино-русских отношений в трудах А. А. Васильева. «Византийский временник», т. IV, 1951; Д. А. Авдусин. Неонорманистские измышления буржуазных историков. «Вопросы истории», 1953, № 12, стр. 114—120; Н. М. Дружинин. Проблемы истории СССР на X Международном конгрессе историков в Риме. «Исторические записки», 1956, т. 55, стр. 3—26; Г. Г. Литаврин. Вопросы образования Древнерусского государства. «Средние века». Вып. 8. М. 1956, стр. 386—395.

⁴ H. Łowmiański. Zagadnienie roli normanów w genezie państw słowiańskich. Warszawa. 1957.

⁵ J. Bardach. O roli normanów na wczesnośredniowiecznej słowiańszczyźnie wschodniej. «Kwartalnik Historyczny». Warszawa. 1958, R. 65, № 2, s. 358—402; B. Widera. Zur Normannenfrage in Osteuropa. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1959. Jg. 7, H. I, S. 210—216; В. Т. Пашуто. Труды польского академика Г. Ловмянского по истории Литвы, Руси и славянства. «Вопросы истории», 1959, № 10, стр. 114—120.

ванного ценного обзора И. П. Шаскольский⁶ ограничился рассмотрением лишь отдельных сочинений сторонников варяжской теории. Между тем такая работа необходима, ибо нельзя оставлять без ответа попытки норманистов выдать свои антинаучные построения за последнее слово науки. Кроме того, знание идей и приемов исследования буржуазных историков делает борьбу с их теориями более целенаправленной.

Решающим условием научного критического изучения современного норманизма является марксистское понимание основных вопросов истории Древнерусского государства, выработанное советскими историками в результате тщательного исследования письменных источников, археологического материала, критики выводов русской дореволюционной исторической науки.

Из сказанного следует, что основным методом выявления сущности норманской теории в целом и отдельных ее положений может быть сопоставление утверждений норманистов с фактическим материалом, накопленным наукой.

В настоящее время советская историческая наука располагает данными для решения узловых проблем, освещение которых служит современным норманистам поводом для извращения истории Древней Руси. Сюда относятся следующие вопросы: об уровне экономического развития восточных славян, о классообразовании, о появлении у восточных славян государственности до проникновения варяжских дружин в Восточную Европу, о ходе политического объединения восточнославянских земель, об этническом характере Руси, о сущности связей и взаимоотношений восточных славян с другими народами, в частности со Скандинавией. Следует особо подчеркнуть, что в распоряжении советских ученых имеется большой фактический материал, подкрепляющий их основные выводы. Поэтому оказываются тщетными попытки норманистов опорочить работы наших историков об образовании государства у восточных славян. Известно, что буржуазные историки пытаются представить выводы советских историков об образовании Древнерусского государства только как простое выражение их политических взглядов. Западноберлинский историк Х. Яблоновский, например, объявляет вывод советских ученых о создании государства на Руси восточными славянами, а не пришельцами-варягами, «в сильной степени обусловленным политическими соображениями». Марксистскую оценку роли норманнов в истории Древней Руси тот же историк считает выражением «официального советского учения о возникновении государства на русской почве»⁷. Между тем ознакомление с фактическим материалом, содержащимся в работах советских исследователей, дает возможность убедиться в том, что подобного рода выпады рассчитаны прежде всего на то, чтобы ввести в заблуждение незнакомых с советской литературой читателей. Вместе с тем сопоставление основных положений современного норманизма с имеющимся фактическим материалом позволяет не только выявить ненаучность построений пынешних сторонников варяжской теории, но и показать необоснованность и недобросовестность приведенных выше обвинений в адрес советской науки.

Всех норманистов объединяет одно — их взгляд на варягов как на создателей Древнерусского государства. Различие между отдельными группами, направлениями современных сторонников варяжской теории ярче всего проявляется в трактовке ими вопроса об отношениях между

⁶ И. П. Шаскольский. *Норманская теория в современной буржуазной историографии*. «История СССР». 1960, № 1, стр. 223—236.

⁷ H. Jablonowski. Bericht über die sowjetrussische Geschichtswissenschaft in den Jahren 1941—1952. «Historische Zeitschrift». Bd. 180. H. I. München. 1955, S. 131, 137.

мнимыми создателями русской государственности и восточными славянами.

Многие современные буржуазные историки видят в варягах завоевателей славянских областей. Стремятся представить историю Древней Руси как время «оккупации страны завоевателями» — норманнами авторы ряда общих работ по истории России, вышедших в США⁸, Англии⁹, ФРГ¹⁰, Франции¹¹ и Италии¹².

Изучение вопроса о происхождении этой широко распространенной в буржуазной литературе легенды убеждает нас в том, что источники не содержат научных данных для обоснования версии о варяжском завоевании славян.

Положение о «завоевании» восточных славян варягами было впервые высказано в XVIII в. А. Шлёцером. Известно, однако, что автор XII в., редактировавший «Повесть временных лет» в 1118 г., считал возможным говорить лишь о «призвании» Рюрика с братьями, а отнюдь не о завоевании варяжскими дружинами земель восточных славян. Более того, редакция 1118 г. «Повести» сохранила свидетельство о крахе попыток варяжских вождей утвердиться на земле славян путем завоевания. Автор легенды о «призвании» князей проводит резкую грань между двумя периодами русско-варяжских отношений: сначала новгородцы отбили варягов, стремившихся утвердиться на славянской земле в качестве завоевателей («Изъгнаша варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в себе володети...»), а по прошествии некоторого времени они добровольно пригласили варяжских князей¹³.

Еще в дореволюционное время русские историки подчеркивали правомерность появления в новгородской среде сказания о призвании варяжских князей. Так, Д. И. Иловайский отметил связь легендарного «призвания» с политическим строем Новгорода, где боярство обычно приглашало, «призывало» князей¹⁴. По мнению В. О. Ключевского, исторически достоверный факт найма новгородцами варяжских дружин также мог быть превращен летописцами в «призвание»¹⁵. Западноевропейским хроникам хорошо известна традиция — приписывать местным диастазам иностранное происхождение¹⁶.

Л. В. Черепнин, обратив внимание на связь сказания о «призвании» варяжских князей с описанием событий 1015—1016 гг., когда новгородцы получили «Правду» Ярослава, показал, что одним из источников указанной легенды послужили летописные данные об обстоятельствах появления «Правды» Ярослава. Стараясь обосновать свои политические притязания, новгородцы взяли в качестве прецедента договорную грамоту 1016 г., известную под именем «Правды» Ярослава, и

⁸ H. G. Pratt and H. L. Moore. *Russia. A short history*. New York. 1947, p. 19. Раздел о ранней истории Руси написан Еленой Прэтт: S. R. Tompkins. *Kievan Russia. «A Handbook of Slavic Studies»*. Ed. by L. I. Strakhovsky. Cambridge, Mass. 1949, p. 64; S. Harsave. *Russia. A History*. Philadelphia. 1956, p. 12. См. рецензию Л. Н. Еремина на эту книгу в журнале «История СССР», 1959, № 1, стр. 257—263.

⁹ G. Sava (pseud.). *Russia triumphant. The Story of the Russian People*. London. 1943, p. 21—24; L. Segal. *Russia. A concise history from the Foundation of the State to the Hitler's Invasion*. London. 1944, p. 12; J. Thomson. *Russia: the old and the new*. London. 1948, p. 5; M. Mitchell. *The Maritime History of Russia (848—1948)*. London. 1949, pp. 45—51.

¹⁰ I. Neander. *Grundzüge der russischen Geschichte*. 2. Aufl. Darmstadt. 1957, S. 18; P. Sethe. *A short History of Russia*. Chicago. 1956, pp. 5—6 (английский перевод книги: «Kleine Geschichte Russlands». Frankfurt a/M. 1953).

¹¹ G. Welter. *Histoire de Russie depuis les origines jusqu'à*. 1945. Paris. 1946, p. 34; E. Krakowski. *Histoire de Russie*. S. 1. 1956, p. 11.

¹² G. Verdiani. *Il problema dell'origine degli slavi*. Firenze. 1952, p. 92.

¹³ «Повесть временных лет». Ч. I. М.-Л. 1950, стр. 18 (далее — ПВЛ).

¹⁴ Д. И. Иловайский. Разыскания о начале Руси. М. 1882, стр. 52.

¹⁵ В. О. Ключевский. Курс русской истории. Сочинения. Т. I. М. 1956, стр. 143.

¹⁶ Б. Д. Греков. Киевская Русь. Избранные труды. Т. II. М. 1959.

события, связанные с ее появлением, положили в основу легенды, перенесшей этот факт в далекое прошлое и изображавшей «Правду» как акт добровольного соглашения новгородских славян с приглашенными ими князьями¹⁷.

Летопись содержит данные лишь о «призвании» варяжских князей, а отнюдь не о «завоевании» славян варягами. Историки, изучавшие условия возникновения этого летописного текста и его источники, показали, что ничего удивительного в возникновении рассказа о «призвании» нет, что сведения о варяжском «завоевании» в летописи отсутствуют и их не могло быть в силу условий, предопределивших создание легенды об обстоятельствах появления варягов на Руси. В свете изложенных фактов становится очевидной источниковедческая несостоятельность легенды о варяжском «завоевании», возникшей в XVIII в. и получившей широкое распространение в современной буржуазной литературе.

Легенда о «завоевании» Руси варягами противоречит основным фактам истории восточных славян и скандинавов в IX в., историческим условиям того времени. Источники свидетельствуют о том, что варяги, будучи торговцами и наемными воинами, никогда не выступали на Руси в качестве завоевателей. Практически им было не под силу осуществить покорение этой страны: ее огромная территория была труднопроходима и со стороны моря имела единственный доступ лишь в устье Невы. Известно (в частности из «Жития св. Ангария Римберта»), что скандинавы потерпели неудачу даже при попытке захватить небольшие территории в Восточной Прибалтике, население которой оказало им сопротивление¹⁸. Противоречит гипотезе о завоевании Руси варягами и факт их малочисленности на славянской земле, установленный археологами. Если бы покорение Руси варяжскими дружинами имело место, то погребения варягов, безусловно, должны были составить основную массу так называемых дружинных погребений. Однако изучение последних говорит о другом. Так, в Гнездовском дружинном могильнике из 700 раскопанных курганов скандинавскими оказались лишь два¹⁹.

Легенду о «завоевании» решительно опровергает и такое серьезное обстоятельство. У восточных славян во второй половине I тыс. н. э. имело место непрерывное развитие местной материальной культуры как до, так и после образования Древнерусского государства. Известно, что в результате завоевания происходит или полное уничтожение местной культуры (так была уничтожена древняя цивилизация инков и ацтеков конкистадорами), или резкое ее изменение под влиянием завоевателей, слияние двух культур (этот факт наблюдался, например, в Венгрии). Ни того, ни другого не было на территории Древней Руси. В то же время исследователи материальной культуры восточных славян в период складывания у них государственности (VIII—IX вв.) единодушно отмечают тесную связь ее с культурой Древней Руси X—XII вв. По мнению М. И. Артамонова, археологические памятники Киевской Руси (X—XII вв.) не имеют каких-либо значительных отличий от памятников предшествующего периода²⁰.

Ныне установлено, что материальная культура восточных славян в период складывания феодальных отношений представлена археологическими памятниками роменского (или роменско-боршевского) типа,

¹⁷ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. I. М.—Л. 1948, стр. 247—248.

¹⁸ H. Łowmiański. Указ. соч., стр. 116, 82—88.

¹⁹ А. В. Арциховский. Основы археологии. М. 1955, стр. 204, 207.

²⁰ М. И. Артамонов. Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе. «Проблемы истории докатолических обществ», 1935, № 9—10, стр. 273.

распространенными на территории, занятой восточными славянами²¹. И. И. Ляпушкин пришел к заключению, что большинство из известных ему 60 городищ VIII—X вв. на левобережье Днепра продолжало существовать и в X—XIII вв. и что их население в основной своей массе восходит к роменцам. Такое заключение является результатом анализа всего комплекса материальной культуры — характера поселений, жилищно-хозяйственных сооружений, бытового инвентаря²². Материал, полученный при сплошных раскопках одного из роменских поселений — городища Новотроицкого (остатки жилищ, земледельческих и ремесленных орудий, изделий из железа, цветных металлов и т. д.), позволил названному археологу сделать вывод о том, что материальная культура Киевской Руси «в различных областях хозяйственной деятельности, в первую очередь в сельском хозяйстве, а равно и в области прикладного художественного ремесла, в своих основах сложилась уже в VIII—IX вв., до образования Киевского государства... Разительных различий между археологическими памятниками IX—X вв. и русскими древностями последующего периода мы не находим». И. И. Ляпушкин обратил внимание также на то, что в материалах Новотроицкого городища полностью отсутствуют вещи скандинавского происхождения. В этом факте он справедливо усматривает свидетельство того, что «основы материальной культуры Киевского государства X—XIII вв. сложились без воздействия культуры викингов»²³.

Археологи отмечают также непосредственную преемственность развития отдельных элементов материальной культуры восточных славян. Например, выяснено сходство киевских жилищ-землянок по их конструкции, устройству печей и т. д. с землянками раннеславянских городищ²⁴. В последнее время советским ученым удалось проследить более глубокие истоки культуры Древней Руси. Изучение археологических памятников раннего роменского времени (поселение VII—VIII вв. Волинцево в Сумской области), а также памятников V—VIII вв. типа поселения Корчак на Житомирщине (к этому же типу относится поселение VIII—IX вв. Хотомель в Полесье) позволило установить генетическую связь общеславянской культуры эпохи складывания феодальных отношений (VIII—X вв.) с раннеславянской зарубинецкой культурой, возникшей во II в. до н. э. и сохранившейся в некоторых восточнославянских областях до середины I тыс. н. э.²⁵

Таким образом, и письменные и археологические памятники полностью опровергают тезис о завоевании Руси варягами.

Однако, несмотря на свою полную неосновательность и явное противоречие с фактами истории, легенда о варяжском «завоевании» усиленно распространяется многими буржуазными историками. На страницах их работ эта версия бегает не случайно. Создатели и распространители ее преследуют далекие от интересов научного исследования цели. О подлинных замыслах сторонников мифа о «варяжском завоевании» ярко свидетельствуют книги польского эмигранта О. Халецкого

²¹ И. И. Ляпушкин. Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей. «Вестник Ленинградского университета», 1956, № 2, вып. 4, стр. 58; «Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР», стр. 843.

²² И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного левобережья. «Советская археология», 1952, т. XV, стр. 11, 36 (далее — СА).

²³ И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. М.-Л. 1958, стр. 230—231.

²⁴ А. В. Арциховский. Указ. соч., стр. 214.

²⁵ «Памятники зарубинецкой культуры». Под ред. П. Н. Третьякова. М.-Л. 1959, стр. 7—8; Ю. В. Кухаренко. О памятниках раннеславянского времени на Полесье УССР. «Краткие сообщения Института археологии АН УССР», № 4, 1955, стр. 48 (далее — КСИА); его же. Некоторые итоги изучения Припятского Полесья. КСИА, № 7, 1957, стр. 92; В. Н. Даниленко. Славянские памятники I тысячелетия н. э. в бассейне Днепра. КСИА, № 4, 1955, стр. 27—28; «Нарис...», стр. 330.

и французского реакционного историка и публициста Э. Краковского. Так, утверждение о «завоевании» восточных славян варягами в IX в. играет у О. Халецкого роль «аргумента» в пользу необходимости вмешательства капиталистических стран во внутренние дела государств социалистического лагеря. О. Халецкий именует такое вмешательство «освобождением»²⁶. Выступление О. Халецкого отвечает общей направленности современной буржуазной историографии, поэтому оно было одобрительно встречено в буржуазной печати. Английский буржуазный историк Б. Босуэлл назвал книгу О. Халецкого «ценным вкладом в широкое распространение наших идей относительно истории Европы»²⁷. В книге Э. Краковского «варяжское завоевание» уподобляется захвату остготами Италии или галлами — Франции. По собственному признанию автора, целью его работы было доказательство тезиса о том, что в России «воля к экспансии на восток, запад и юг передавалась от одного режима другому как неизбежная политическая традиция». С точки зрения этого псевдонаучного тезиса Э. Краковский пытается рассматривать и советскую внешнюю политику²⁸. Абсурдность подобного рода утверждений ясна даже некоторым буржуазным историкам. Так, английский рецензент книги Э. Краковского Кип вынужден был признать, что последняя является «скорее интуитивной философией истории, нежели объективным изложением событий»²⁹. Пригодность мифа о варяжском «завоевании» для антисоветской пропаганды обеспечила ему широкое распространение в сочинениях современных буржуазных историков, которые стремятся «обосновать» эту легенду. При рассмотрении работ, посвященных «обоснованию» и дальнейшей модификации версии о «завоевании» славян норманнами, необходимо обратить внимание прежде всего на приемы, используемые их авторами, и трактовку ими отдельных вопросов образования Древнерусского государства.

Идеей о варяжском завоевании Руси пронизана книга русского эмигранта М. А. Таубе «Рим и Россия перед татарским нашествием». Автор предлагает читателю следующую картину образования Древнерусского государства: дружинник шведского короля Олафа Аскольд, участвовавший в 854 г. в походе на куршей, захватил Киев, освободив славянское племя полян и их соседей от владычества тюрок (хазар). Подчинив себе славян, Аскольд создал варяго-русское государство. М. А. Таубе нисколько не сомневается в том, что создателями государства на славянской земле были шведы-завоеватели. «Рюрик в Новгороде, — говорит он, — а Аскольд в Киеве были местными князьями, посаженными своими сюзеренами — королем Эриком из Упсалы и королем Олафом из Бирки»³⁰. Какое же отношение имеет к этой истории начало русской государственности, если и Киевское и Новгородское княжества были всего лишь владениями шведских королей? На этот вопрос книга М. А. Таубе не дает никакого ответа. Превратить Древнюю Русь во владение шведских королей барону М. А. Таубе удалось благодаря тенденциозному подбору материалов и произвольному их толкованию. В качестве основного источника М. А. Таубе использует «Житие св. Ангария», которое, кстати говоря, об Аскольде и не упоминает. В то же время автор игнорирует древнерусские и ви-

²⁶ O. Halecki. *Borderlands of Western Civilization. A History of East Central Europe*. New York. 1952, p. 32, 475. Марксистскую критику работ О. Халецкого см. в статье: J. Tazbir. *Falsz historyczny i zdrada narodu w pracach O. Haleckiego*. «Kwartalnik Historyczny». Warszawa. 1953, № 3, s. 172—195.

²⁷ «The Slavonic and East European Review». London. 1952, v. 31, № 76, p. 259.

²⁸ E. Krakowski. Указ. соч., стр. 11, 52, 72.

²⁹ «International Affairs». Vol. 31, № 3. London. 1955, p. 416.

³⁰ M. de Taube. *Rome et la Russie avant l'invasion des Tatars*. Paris. 1947, p. 8, 48.

зантийские источники, имеющие непосредственное отношение к предмету его изложения.

Для доказательства того, что Киев был захвачен шведами, М. А. Таубе по своему произволу превращает укрепление куршей Апулию в «ополье» — землю полян, где расположен Киев. При ближайшем рассмотрении концепция М. А. Таубе оказывается построенной на песке. По сути дела, он не только принял на веру, но и «домыслил» содержащееся в третьей, норманистской редакции «Повести временных лет» (1118 г.) утверждение о том, что Аскольд и Дир были якобы варягами, находившимися на службе у Рюрика. М. А. Таубе при этом сознательно игнорирует уже давно вошедшую в научный оборот реконструкцию рассказа Древнейшего Киевского свода 1039 г. об Аскольде и Дире. Автор этой реконструкции А. А. Шахматов, сам будучи норманистом, в результате изучения русских летописей пришел к выводу, что источником для данного рассказа послужило киевское народное предание. Вслед за ним составитель свода 1039 г. рассказывал об Аскольде и Дире как о местных, киевских князьях, ничего не говоря о их приходе с севера. Свод 1039 г. сообщал, что Аскольд и Дир наследовали после Кия и его братьев власть над Полянкой землей: «И по сих братии (то есть после Кия и его братьев.— В. Ш.) княжиста Кыеве Аскольд и Дир и беста владеюша Полями». Принимая во внимание совокупность летописных свидетельств, А. А. Шахматов признал текст о варяжском происхождении Аскольда и Дира вставкой позднейшего времени, обусловленной идеями единства княжеского рода и появления княжеской власти на Руси только со времен Рюрика³¹. Неодинаковый подход норманистов прошлого и настоящего времени — А. А. Шахматова и М. А. Таубе — к использованию источников показывает коренное различие между ними: если первый сохраняет объективность при рассмотрении источников, противоречащих его концепции, то второй сознательно фальсифицирует их в угоду своим построениям.

У М. А. Таубе не было никаких оснований превращать Апулию в землю полян. Еще в конце прошлого столетия было доказано, что это укрепление находилось в современном Апуоле, на границе Литвы и Латвии³².

Необоснованность гипотезы М. А. Таубе вынуждены признать даже буржуазные рецензенты его книги. Французский историк Р. Порталь подчеркивает направленность данной работы против советской исторической науки³³. Западногерманский историк Э. Амбургер, отнюдь не склонный к критике буржуазной литературы, признал выводы М. А. Таубе «из-за ненадежности использованных источников недостаточно убедительными»³⁴.

Обосновать якобы имевший место в истории факт господства варягов над славянами старается шведский историк С. Болин. Он уподобляет норманнов конкистадорам — завоевателям Южной и Центральной Америки. Не анализ источников привел С. Болина к такому антиисторическому взгляду на роль норманнов. Единственным «основанием» для него служат его собственные соображения об оживлении скандинавско-арабской торговли в IX веке³⁵. Однако в свете материа-

³¹ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб. 1908, стр. 320—323.

³² A. Bielenstein. Le village d'Apoulé... «Труды IX Археологического съезда в Вильне». Т. I. М. 1895, стр. 75.

³³ «Revue historique». Т. 203, avr.-juin. Paris, 1950, p. 331—332.

³⁴ E. Amburger. Bericht über die Veröffentlichungen zur Geschichte Russlands und der Sowjetunion ausserhalb der Sowjetunion 1939—1952. «Historische Zeitschrift». Bd. 183, H. I. München. 1957, S. 147.

³⁵ S. Bolin. Mohammed, Charlemagne and Rurik. «Scandinavian Economic History Review». Vol. I, № 1. København, 1953, p. 33.

лов, характеризующих преемственность развития материальной культуры восточных славян до и после появления варяжских купцов и дружинников на Руси, сравнение последних с конквистадорами не выдерживает никакой критики.

Стремлению современной реакционной историографии придать видимость научности тезису о завоевании славян норманнами полностью отвечает книга польского эмигранта Х. Пашкевича «Происхождение России», охватывающая историю Руси с IX по XIV век. Претендуя на «солидность», Х. Пашкевич постарался привести множество свидетельств русских, западных, арабских, византийских авторов. Однако трактует он эти источники в норманистском духе. Взгляд на варягов как на завоевателей славянских земель получил в книге Х. Пашкевича поистине гипертрофированное выражение. По его мнению, варяги действовали на Руси в течение четырех столетий — с IX по XII век³⁶. Основной идее о покорении варягами Руси Х. Пашкевич подчинил и трактовку отдельных вопросов истории Древнерусского государства. Не удивительно, что позиции автора оказались в полном противоречии с тем фактическим материалом, которым ныне располагает наука.

Х. Пашкевич решительно высказывается в пользу норманского происхождения Руси. В духе обветшалых догм норманизма XIX в. он пытается связать происхождение термина «Русь» с финским названием шведов «Ruotsi». В угоду своей концепции автор без всяких на то оснований старается убедить читателя в церковном, религиозном, а не этническом и территориальном значении терминов «Русь», «Русская земля»³⁷.

Некоторые стороны проблемы, связанной с происхождением термина «Русь», до сих пор нельзя считать выясненными. Однако один из основных моментов представляется совершенно очевидным. Речь идет о доказанном различного рода источниками факте этнической (славянской) и территориальной (южной) принадлежности этого термина. Очевидна также неосновательность отнесения этого названия к жителям севера — норманнам. Еще в прошлом веке датский норманист В. Томсен был вынужден констатировать отсутствие в Скандинавии местности или племени с названием Русь³⁸. Знаток древнесеверной литературы Е. А. Рыдзевская отметила отсутствие «всяких следов этого термина, как своего, в древнесеверных сагах (где Rosia, как известно, — наименование книжного, ученого характера) и особенно в рунических надписях... Древнесеверному языку и письменности термин «Русь» во всяком случае совершенно чужд»³⁹. В то же время ряд источников относит наименование Русь к славянам. Восточный автор Ибн-Хордадбек (IX в.) писал о русах как «племени из славян»⁴⁰. У восточных славян часто встречаются географические наименования, связанные с этим термином: Неман в старину назывался Росью, а залив, куда он впадает, — Русной; известны реки Рось, или Руса (в быв. Новгородской губ.), Русь — приток Нарева, Рось — приток Днепра, Руса — приток Сейма; Росью называлась когда-то река Оскол. В давние времена Волга тоже называлась Росью⁴¹. В устье Дона был известен

³⁶ H. Paszkiewicz. The Origin of Russia. London. 1954, p. 160. Марксистскую критику книги Х. Пашкевича см. в статье Х. Ловмянського (H. Łowmiański. O znaczeniu zw. Rus w wieku X—XIV. «Kwartalnik Historyczny», 1957, R. 64. № 1, Warszawa, str. 84—101.

³⁷ H. Paszkiewicz. Указ. ссч., стр. 129, 132, 144.

³⁸ В. Томсен. Начало русского государства. М. 1891, стр. 80.

³⁹ Е. А. Рыдзевская. К варяжскому вопросу. «Известия» АН СССР. 7-я серия. Отделение общественных наук. № 8, Л. 1934, стр. 628.

⁴⁰ См. А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб. 1870, стр. 48.

⁴¹ Д. И. Иловайский. Указ. соч., стр. 70.

город Росия⁴². Особенно характерны такого рода названия для южно-русских областей⁴³. О древности наименования Русь свидетельствует сирийский автор (середина VI в.), который рассказывает об обитании в этом районе народа рос⁴⁴. Источник первой половины IX в., так называемый Баварский географ, помещает Русь (Ruzzi) к северу от линии прусы — хазары⁴⁵. Как удалось установить акад. М. Н. Тихомирову, русские летописи терминами «Русь», «Русская земля» в узком смысле обозначали южные области — Киевскую землю⁴⁶. Все эти данные убеждают в справедливости отнесения названия «Русь» именно к южным областям территории, населенной восточными славянами.

Вполне объяснимо встречающееся в некоторых источниках, в том числе и в «Повести временных лет», применение этого термина в более позднее время к варягам. А. А. Шахматов установил, что в Древнейшем Киевском своде 1039 г. имелось известие о принятии варягами имени Русь на юге, в Киеве, где они находились на службе у князя Олега: «И седе Ольг кнѣжа Кыеве; и беша у него мужи Варязи, и отътоле прозвашася Русию»⁴⁷. Приняв во внимание разыскания В. Г. Васильевского о причинах смешения понятий «русь» и «варяги» в Византии, свидетельство Бертинских annalov о наименовании шведов — послов киевского князя — русью, а также данные восточные авторов о русах-славянах, А. Н. Насонов доказал подлинность сообщения свода 1039 г. о том, что варяги стали называться Русью на юге, получив имя той страны, на службе у которой они находились. Факт заимствования норманнами имени коренного населения и использование этого имени как своего собственного в других странах, в частности в Византии, помогает уяснить то смешение понятий «русь» и «варяги», которое встречается в византийских источниках (в хронике Георгия Амартола и его продолжателя, в сочинении Константина Багрянородного)⁴⁸.

При выяснении этнического и географического значения термина «Русь» исследователи широко используют данные топонимики, свидетельствующие о его славянском происхождении. Характерно, что Х. Пашкевич, как и другие норманисты, не только игнорирует эти материалы, но самым категорическим образом высказывается против их использования для решения проблемы происхождения термина «Русь»⁴⁹. Это понятно: данные топонимики несовместимы с утверждениями о шведском происхождении Руси. Расширение области топонимических разысканий ведет к увеличению доводов против варяжского происхождения Руси. В качестве примера сошлемся на географическую номенклатуру Трансильвании, Словакии и Закарпатской Украины. Если названия, связанные с термином «Русь — Рос», в области «пути из варяг в греки» норманисты могут еще как-то связывать с пребыванием здесь шведов (хотя без натяжек установить такую связь нельзя), то с точки зрения норманской теории никак невозможно объяснить наличие огромного количества названий с корнем «Русь» в Трансильвании, Словакии и Закарпатье. И. Пичем установлено, что в Трансильвании с именем Русь связаны названия 25 населенных пунктов (Руска, Рустилор, Россия, Русешти и т. д.), 27 гор (Рускица, Россииле, Русиелу и т. д.) и двух

⁴² В. Г. Васильевский. Труды. Т. III. Птрг. 1915, стр. CLXVI.

⁴³ «Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР», стр. 747.

⁴⁴ См. А. П. Дьяконов. Известия псевдо-Захарии о древних славянах. «Вестник древней истории» (далее — ВДИ), 1939, № 4, стр. 83—90.

⁴⁵ H. Łowmiański. Zagadnienie roli normanów..., s. 134.

⁴⁶ М. Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». «Советская этнография». Сборник 6—7. М.-Л., 1947, стр. 80.

⁴⁷ А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 542.

⁴⁸ А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М. 1951, стр. 36—39.

⁴⁹ H. Paszkiewicz. Указ. соч., стр. 25.

рек⁵⁰. Автор настоящей статьи насчитал на территории Словакии второй половины XIX в. 46 географических названий, производных от слова «Русь» (Русбах, Руска, Росина, Рускоц, Русковце и т. д.) и 24 — на территории Закарпатской Украины (Росток, Росичка и т. д.)⁵¹. Существование с древних времен коренного славянского населения в Словакии и Закарпатье несомненно. А. А. Кочубинскому на основе топонимики, этнографических данных и свидетельств письменных источников удалось установить, что в Трансильвании IX—X вв. преобладало славянское население. Он отмечал, что наличие здесь названий с корнем «Русь» зафиксировано письменными памятниками сравнительно раннего времени: например, грамота конца XIII в. упоминает о селе «Русский торг» (Forum Ruthenogum)⁵². Приведенные факты являются еще одним доказательством славянского, южного происхождения термина «Русь».

Х. Пашкевич в соответствии со своей концепцией отводит норманнам главную роль в росте политического значения центра русских земель — Киева⁵³. Такому утверждению, однако, противоречат археологические материалы. Исследование остатков укрепления на Старокиевской горе и сопоставление полученных данных с показаниями летописи позволяют сделать вывод об основании этого города не позднее середины VII века⁵⁴. В VII—IX вв., накануне образования Древнерусского государства, Киев интенсивно заселялся, об этом свидетельствуют широко распространенные славянские памятники того времени, в частности массовые остатки керамики⁵⁵. Рассуждения норманистов о решающем значении варягов в культурной жизни Киева были совсем недавно опровергнуты М. К. Каргером, который занялся выяснением роли скандинавских элементов в археологических памятниках Киева. Известно, что этнический и социальный состав населения хорошо характеризуют погребения — их обряд и инвентарь. В результате тщательного учета вещей в киевском некрополе было выявлено всего семь застезжек (фибул) скандинавского происхождения. Это дало М. К. Каргеру основание заявить: «Вещи скандинавского происхождения, найденные в погребальных комплексах киевского некрополя, с учетом всех случайных находок на территории города, убедительно свидетельствуют о том, сколь незначительно их место даже в жизни социальных верхов киевского общества IX—X вв., не говоря уже о массах городского населения, в культурном облике которого нет ни одной черты, обязанной пресловутому норманскому влиянию»⁵⁶.

Применение концепции варяжского «завоевания» привело Х. Пашкевича к утверждению, что даже в X—XI вв. Рюриковичи сохраняли характер варяжской династии⁵⁷. В связи с этим следует отметить, что ныне подавляющее большинство норманистов уже не решает вопрос о быстрой славянизации варяжских князей. Напомним здесь только о том, что, по описанию Льва Диакона, киевский князь Святослав (вторая половина X в.) был типичным славянином⁵⁸.

Итак, всем своим содержанием книга Х. Пашкевича направлена против советской исторической науки. Ряд историков США, Англии,

⁵⁰ А. А. Кочубинский. О русском племени в Дунайском Залесье. «Труды VII Археологического съезда». Т. II. М. 1891, стр. 65.

⁵¹ Jő. Jekelfalussy. A magyar korona országainak helységeitára. Budapest 1888.

⁵² А. А. Кочубинский. Указ. соч., стр. 11, 24, 41, 58, 64—65.

⁵³ H. Paszkiewicz. Указ. соч., стр. 165.

⁵⁴ М. Ю. Брайчевский. До питання про виникнення міста Київ. «Український історичний журнал». Київ. 1959, № 5, стр. 62.

⁵⁵ А. И. Шовкопляс. Славянская керамика VII—IX вв. из Киева. КСИИ, 1959, № 8, стр. 173.

⁵⁶ М. К. Каргер. Древний Киев. Т. I. М.-Л. 1958, стр. 218—220.

⁵⁷ H. Paszkiewicz. Указ. соч., стр. 180—181.

⁵⁸ Лев Диакон Калойский. История. СПб. 1820, стр. 97.

ФРГ и Бельгии выступил с хвалебными отзывами на эту книгу⁵⁹. Однако извращение Х. Пашкевичем истории во имя утверждения реакционных идей оказалось столь явным, что об этом вынуждены были сказать некоторые его коллеги. «Когда свидетельство источника,— пишет буржуазный историк-эмигрант Г. В. Вернадский, которого нельзя заподозрить в антинорманизме,— противоречит мнению Пашкевича, последний, не колеблясь, исправляет текст»⁶⁰. Другой буржуазный историк, Д. Оболенский, одоблив направленность книги Пашкевича против советской науки, признал, что ее автор «часто перегibt палку: он не обратил, например, внимания на политическую организацию восточных славян до прихода викингов и сильно преувеличил распространение скандинавского влияния в XI—XII вв.»⁶¹. И. Лопатин (Калифорнийский университет, США) отметил, что Х. Пашкевич вступает в противоречие с историческими фактами, ибо он «принимает ошибочную мысль о завоевании новгородцев и вообще восточных славян норманнами, или варягами...»⁶². Отрицательно отнесся к работе Х. Пашкевича историк-эмигрант В. А. Рязановский. По его мнению, Х. Пашкевич, будучи сторонником норманизма, «не может привести что-либо нового в поддержку этой теории, а его знакомство с источниками и литературой предмета поверхностно... Многие утверждения автора выдвинуты без аргументации источниками и вообще не могут быть приняты серьезно... Недостаточное знание и поверхностность суждений не позволили автору пролить новый свет на проблему происхождения Руси». В. А. Рязановский обвинил Х. Пашкевича в полном незнании трудов Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, работ дореволюционных русских историков-антинорманистов, а также таких источников, как «Повесть временных лет», сочинения Константина Багрянородного и др.⁶³. Правильнее, конечно, было бы сказать об игнорировании Х. Пашкевичем литературы и о фальсификации им свидетельств источников.

Знакомство с буржуазными работами общего характера и монографиями сторонников «варяжского завоевания» дает основания заключить, что эта группа норманистов в значительной степени определяет лицо современной буржуазной историографии. Следует подчеркнуть, что сторонники теории «завоевания» особенно активизировались после окончания второй мировой войны. В начале 30-х годов историк «варяжского вопроса» В. А. Мошин не без оснований заявил: «Ультранорманизм плечеровского типа давно уже сделался одним из прошлых моментов в истории вопроса»⁶⁴. Гальванизация старой ультранорманистской концепции в современных условиях является показателем оживления реакции в буржуазной историографии. Знакомство с книгами О. Халецкого и Э. Краковского показывает, что сторонники «холодной войны» вспомнили о теории «завоевания» с целью усиления антисоветской пропаганды.

Много общего с теорией «варяжского завоевания» имеет концеп-

⁵⁹ См. рецензии и оценки Д. Оболенского, Дж. Макгро, Б. Шесняка, Г. Штёкля, А. Адамчика, Ф. Прёля и Ф. Веркотерена: «English Historical Review». Vol. 74, № 288, London, 1958, p. 464; «Journal of International Affairs». Vol. 9, № 2, New York, 1955, p. 102; «The Review of Politics». Vol. 17, № 3, Notre Dame, Ind., p. 419; «Jahrbücher für Geschichte Ost-Europas», N. F., Bd. 3, H. I, München, 1955, S. 6; A. Adamczyk. Ost- und Südosteuropa im westlichen Schrifttum der Nachkriegszeit. München, 1956, S. 29; «Hansische Geschichtsblätter». Jg. 74, Hanover, N. H., 1956, S. 202—203; F. Vercauteren. Rapport général sur les travaux d'histoire du moyen âge de 1945 à 1954. «Relazioni del X Congresso Internazionale di scienze storiche». Vol. VI. Firenze, 1955, p. 76.

⁶⁰ «Speculum». Vol. 30, № 2. Cambridge, Mass. 1955, p. 294, 295, 298.

⁶¹ «English Historical Review». Vol. 74, № 288. London, 1958, p. 469.

⁶² «World Affairs Interpreter». Vol. 26, № 1. Los-Angeles. 1955, p. 107—109.

⁶³ «The Russian Review». Vol. 15, № 2, Hanover, N. H., 1956, p. 134—136.

⁶⁴ В. А. Мошин. Варяго-русский вопрос. «Slavia». R. 10, Seš. 3. Praha. 1931, стр. 533.

ция непрерывного якобы подчинения славян и их предков народам-господам. Она нашла отражение в работах Г. В. Вернадского, часть которых уже подвергалась острой критике со стороны советских историков⁶⁵. Для Г. В. Вернадского история славян — это последовательная смена одних повелителей другими: скифов, сарматов, готов, вандалов, лангобардов, аваров, кочевников-болгар, хазаров, кочевников-венгров и, наконец, скандинавов. Именно такая концепция положена в основу ряда работ Г. В. Вернадского⁶⁶. Наиболее полное выражение и дальнейшее развитие она получила в недавно вышедшей книге «Очерк происхождения руссов»⁶⁷. В последней, в сущности, читателю предложена лишь новая модификация теории варяжского «завоевания». Изложение истории поражения славян и их предков различными завоевателями играет у Г. В. Вернадского роль «обоснования» «закономерности» варяжского «завоевания». По мнению этого автора, не может быть сомнения в том, что славяне были поработены варягами и вообще не могли якобы обходиться без завоевателей. Но исторические факты опровергают подобные вымыслы. Они свидетельствуют о том, что схема Г. В. Вернадского не только игнорирует внутренние процессы этнического формирования восточных славян, их социального развития и политического оформления в союзы племен и государственные образования, но и односторонне освещает взаимоотношения восточных славян с другими племенами. Археологические материалы убеждают, например, в том, что нет никаких оснований говорить о покорении предков славян сарматами. Погребальный обряд свидетельствует о существовании тесных культурных и экономических связей между славянами и сарматами, об ассимиляции славянами части сарматов⁶⁸. Некоторые памятники, в частности Будештский могильник (в Молдавии) III—IV вв., свидетельствуют о далеко зашедшем процессе этнического смешения: устройство могил здесь сарматское, а керамика — древнеславянская⁶⁹. В последнее время археологи пришли к заключению, что славяне и сарматы сыграли значительную роль в формировании черняховской культуры. Сарматы, перешедшие под влиянием местных, в том числе и славянских, племен к оседлости, привнесли в эту культуру обряд трупоположения⁷⁰.

Не соответствует действительности и тезис Г. В. Вернадского, заимствованный им у реакционных германских историков, о покорении славян готами. Малочисленность готских погребений и отсутствие готских вещей в материальной культуре Северного Причерноморья говорят о растворении готов в местной этнической среде⁷¹. Археологи также установили, что между славянами и тюрками-болгарами, носителями салтовской культуры (VIII—IX вв.), существовали мирные, дружеские отношения, а не отношения господства и подчинения: известны остатки славянской роменско-боршевской культуры на поселениях салтовского типа и салтовские вещи на славянских поселениях⁷².

⁶⁵ См. указ. рецензии М. Н. Тихомирова, С. П. Толстова, С. А. Покровского на книгу Г. В. Вернадского «Ancient Russia». New Haven. 1944.

⁶⁶ G. Vernadsky. Ancient Russia. New Haven. 1943 (2d ed.—1944); его же. A History of Russia. 4th ed. New Haven. 1954; его же. Das frühe Slawentum. Das Ostslawentum bis zum Mongolensturm. «Historia Mundi». Bd. 5, 1956, S. 251—300.

⁶⁷ G. Vernadsky. Essai sur les origines russes. T. 1—2. Paris. 1959, pp. 108, 116—118, 125, 137, 139, 151, 332—334.

⁶⁸ Ю. В. Кухаренко. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях (по данным погребального обряда). СА, 1954, XIX, стр. 120.

⁶⁹ Э. А. Рикман. Могильник первых столетий новой эры у с. Будешты в Молдавии. СА, 1958, № 1, стр. 200.

⁷⁰ А. П. Смирнов. К вопросу об истоках Приазовской Руси. СА, 1958, № 2, стр. 275, Г. Б. Федоров. О двух обрядах погребения в черняховской культуре (по памятникам Молдавии). СА, 1958, № 3, стр. 234, 243.

⁷¹ А. П. Смирнов. Указ. ссч., стр. 274—275.

⁷² М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 62, М.-Л. 1958, стр. 62 (далее — МИА).

Исследование письменных памятников показывает, что гораздо сложнее обстоит дело и с фактами подчинения славян другими племенами. Такому подчинению обычно сопутствовала упорная борьба, перемежавшаяся установлением мирных и даже союзнических отношений. Так, известное по летописи «примучивание» славян аварами (обрами) в середине VI — начале или середине VII в. сопровождалось длительной борьбой. При этом часть славян в союзе с аварами выступала против Византии⁷³. Изучение топографии и обстоятельств зарытия кладов на славянской территории VIII в. приводит к мысли о том, что хазары наложили дань на славян только после военных столкновений⁷⁴.

Таким образом, историческая действительность была куда более сложной, чем ее изображает Г. В. Вернадский. Шла упорная борьба восточных славян с кочевыми племенами, оказывавшая ощутимое влияние на обстановку во всей Восточной Европе, имели место и союзнические отношения, и взаимные влияния культур, и ассимиляция славянами других племен, были, конечно, и случаи временного подчинения какой-то части восточнославянских племен кочевниками (например, аварами).

В отличие от большинства норманистов Г. В. Вернадский выводит термин «Русь» от названия господствовавшего аланского рода «рукс», что означает «сияющий». Однако такое толкование совсем не говорит о его отказе от основных положений норманизма. В роли создателей первого государства на Руси, которым он считает «Русский каганат» со столицей в Тмутаракани, у Г. В. Вернадского выступали скандинавы. В последней своей книге он заявил, что и русы и варяги являются скандинавами; разница между ними, по его мнению, состоит в том, что первые — скандинавы восточные, а вторые — западные⁷⁵.

Таким образом, Г. В. Вернадский использует ту же концепцию варяжского «завоевания», но в несколько измененной форме, стремясь дать «обоснование» положению о славянах как о «расе рабов». Этот клеветнический тезис, как известно, был в свое время заимствован немецкими фашистами у Гегеля для идеологического обоснования агрессии против СССР. Характер построений Г. В. Вернадского говорит о его стремлении по-новому преподнести старые норманистские догмы с тем, чтобы доказать несостоятельность славян к самостоятельному историческому творчеству. Этот автор считает господство варягов лишь одним из сменявших друг друга иностранных завоеваний. Но такую же мысль высказывал еще А. А. Шахматов⁷⁶. Поэтому никак нельзя согласиться с теми критиками Г. В. Вернадского из лагеря буржуазной историографии, которые полагают, что он якобы проводит «среднюю линию» между норманизмом и антинорманизмом. Такое мнение было высказано, в частности, английским историком Б. Сэмнером. Но и он вынужден был сделать оговорку, что Г. В. Вернадский делает уступки норманизму⁷⁷. Истинную подоплеку построений Г. В. Вернадского выдал Д. Оболенский, признавший, что трактовка Г. Вернадским варяжской проблемы направлена против советской науки⁷⁸. Однако оба названных критика, дав высокую оценку книге Г. В. Вернадского, все же признали неубедительность ее положений о существовании «Русского каганата» на побережье Азовского моря, о происхождении названия «Русь» и некоторых других.

⁷³ «Нариси...», стр. 354.

⁷⁴ Г. Ф. Корзухина. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. СА, 1955, XIX, стр. 79.

⁷⁵ G. Vernadsky. Essai..., pp. 230, 332—334, 349.

⁷⁶ В. Т. Пашуто. А. А. Шахматов — буржуазный источниковед. «Вопросы истории», 1952, № 2, стр. 32—33, 52—55.

⁷⁷ «English Historical Review». Vol. 60, № 236. London. 1945, p. 108.

⁷⁸ D. Obolensky. Professor Vernadsky's History of ancient and medieval Russia. «Oxford Slavonic Papers». Vol. 5. Oxford. 1954, p. 24.

Реакционная суть концепции непрерывности подчинения восточных славян иноземным завоевателям обусловила использование ее рядом историков, не скрывающих своей неприязни к СССР. Она бытует на страницах книг по русской истории, изданных в Англии, Франции и США⁷⁹. Большинство авторов этих работ старается подчеркнуть «благоготовность» иноземного господства для славян, по-разному обосновывая подобное антиисторическое утверждение. Французский историк Б. Жилль, не считаясь с данными науки, утверждает, что даже нашествие гуннов сыграло положительную роль в создании торговых путей, соединявших север с югом⁸⁰.

По свидетельству Аммиана Марцеллина, гуннская орда «потрясает и уничтожает все, что попадает навстречу, подобно вихрю, несущемуся с высоких гор»⁸¹. Гунны уничтожили в Восточной Европе часть славянского населения, сровняв с землей множество поселений славян в южной лесостепи. Археологами установлено, что в период гуннского нашествия (конец IV в. н. э.) прекратили свое существование в огне пожаров или под ударами врага многочисленные поселения черняховской культуры, одним из компонентов которой был славянский элемент. Перед лицом вражеской угрозы население зарывало наиболее дорогие вещи в виде кладов (поселения в Лукашовке, Оргееве, Кириленах и др.)⁸².

Оценивая роль иноземных завоеваний, буржуазный историк-эмигрант П. Б. Струве выдвигает свой критерий прогресса. Значение хазарского владычества он видит в том, что «это данничество чужой власти приучило славян к подданству»⁸³. Отрицая существование периода общинной свободы у славян, П. Б. Струве пытается протащить в науку идею об извечности эксплуатации в славянском обществе. Другой эмигрант, А. А. Васильев, стремится убедить читателя «в благоговности» иноземных влияний, не останавливаясь при этом перед фальсификацией исторических фактов. Кочевников — готов, тюрок, гуннов, хазар — он ставит на одну доску с греками и римлянами, культура которых оказала положительное влияние на развитие Причерноморья. Будучи ярым сторонником норманизма, А. А. Васильев отводит наемникам-варягам роль «силы, которая смогла объединить и оживить все эти элементы культуры и цивилизации»⁸⁴. По справедливому определению советского византиста М. В. Левченко, книга А. А. Васильева является повторением и пропагандой норманской теории⁸⁵.

Попытку «обоснования» тезиса о непрерывности господства над восточными славянами иноземных захватчиков предпринял американский славист С. Х. Кросс в своей статье о ранней культуре восточных славян. Он всячески пытался «доказать» неспособность восточных славян к самостоятельному развитию культуры и техники. Последнюю, по его мнению, славяне заимствовали у различных народов, «подвергаясь более тысячелетия серии иностранных влияний». С. Х. Кросс признает, что сельское хозяйство получило у восточных славян значи-

⁷⁹ J. Thomson. *Russia: the old and the new*. London. 1948, p. 4; R. D. Charques. *A Short History of Russia*. London. 1956, p. 16; B. Gille. *Histoire economique et sociale de la Russie du Moyen age au XX-e siecle*. Paris. 1949, p. 17; P. Kovalevsky. *Manuel d'histoire russe*. Paris, 1948, p. 42; П. Б. Струве. Социальная и экономическая история России. Париж. 1952, стр. 29; M. T. Florinsky. *Russia. A History and an Interpretation*. Vol. I. New York. 1953, p. 7; A. A. Vasiliev. *The Russian Attack on Constantinople in 860*. Cambridge, Mass. 1946, p. 66.

⁸⁰ B. Gille. Указ. соч., стр. 17.

⁸¹ См. В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. «ВДИ», 1949, № 3, стр. 306.

⁸² «Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР», стр. 162.

⁸³ П. Б. Струве. Указ. соч., стр. 29.

⁸⁴ A. A. Vasiliev. Указ. соч., стр. 66.

⁸⁵ М. В. Левченко Указ. соч., стр. 150.

тельное распространение, но «и в этой области большинство знаний появилось в результате контактов с более развитыми народами». Оказывается, по его мнению, «развитием сельскохозяйственной техники, ремесел и производством оружия славяне сильно обязаны своим соседям, особенно же германцам»⁸⁶.

Вопрос о соотношении уровней развития производительных сил и причинах однотипности производственных отношений у различных народов интересен с точки зрения выяснения условий их перехода от первобытнообщинного строя к феодализму. Исследователи обращают внимание на общую черту, характерную и для германцев и для славян, — на наличие у них к началу процесса феодализации такого уровня развития производительных сил, который был необходим для складывания феодализма. В то время как германцы в результате завоевания Римской империи восприняли соответствующие этому способу производства производительные силы, славяне в основном самостоятельно достигли уровня, приведшего к возникновению у них феодальных отношений⁸⁷. Таким образом, развитие производительных сил восточных славян объясняется не заимствованиями, а материальными и общественными условиями их жизни.

О стремлении буржуазной историографии распространить антиисторическую идею о развитии производительных сил восточных славян в результате иноземных влияний свидетельствует и книга С. Х. Кросса о цивилизации славян⁸⁸. Характерно для буржуазных историков высказывание рецензента этой работы Б. Сэмнера, рассматривающего славян как «группу народов, близких в расовом отношении и по языку, но различающихся между собой культурными и политическими влияниями, которым они подвергались»⁸⁹.

Концепцию непрерывности иноземного господства над славянами использовал украинский националист Р. Смаль-Стоцкий для обоснования выдвинутой им гипотезы о социальном значении термина «Русь». Происхождение этого названия, по его мнению, восходит ко временам господства готов над славянами. Имя Русь якобы произошло от русского слова «русый» — белокурый. Так будто бы называли славяне своих повелителей — готов. Сами же славяне были «чернью». С появлением в Восточной Европе новых господ — также белокурых — варягов к ним и перешло имя готов, «которое впоследствии слилось с фонетически сходным племенным названием варягов»⁹⁰. Ради «обоснования» и распространения идеи о славянах как «расе рабов» Р. Смаль-Стоцкий игнорирует огромный материал письменных источников, топонимики и археологии о Руси как о славянском племени Поднепровья⁹¹.

Из основных положений концепции о непрерывности подчинения славян завоевателям исходит американский историк Ф. Каплан в статье «Падение хазар и возвышение варягов». Утверждая, что «варяги заменили хазар в качестве сюзеренов славянского населения в Киев-

⁸⁶ S. H. Cross. Primitive Civilization of the eastern Slavs. «American Slavic and East European Review». Vol. 5, part 1—2, 1946, p. 63, 65, 66, 87.

⁸⁷ К. Н. Тарновский. Предпосылки возникновения феодализма у восточных славян. «Вопросы истории», 1954, № 4, стр. 79; И. В. Сошин. К вопросу о причинах перехода восточных славян от первобытнообщинного строя к феодализму. «Вопросы истории», 1957, № 6, стр. 109.

⁸⁸ S. H. Cross. Slavic Civilization through the Ages. Cambridge, 1948. Французское издание — Paris, 1955.

⁸⁹ «English Historical Review», Vol. 64, № 250. London, 1949, p. 120.

⁹⁰ R. Smal-Stocky. The Origin of the Word «Rus». «Slavistica». Vol. 6. Winnipeg, 1949.

⁹¹ Б. А. Рыбаков. Проблема происхождения Руси. «Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР», стр. 740—755.

ской области», он направляет свое внимание на выяснение деталей, обстоятельств и причин, приведших к смене одного народа-повелителя другим. Подчинение славян сначала хазарам, а затем варягам Ф. Каплан считает неоспоримым фактом⁹². Он старается уверить читателя в «благодетельности» влияния хазар, присоединяясь к мнению Ю. Бруцкуса (построения последнего даже буржуазная критика признает ныне ненаучными)⁹³ о том, что якобы «не только управление, армия и законы славян были основаны на хазарской традиции, но даже и религия, земледелие, ремесла и искусства пришли с Востока благодаря хазарам»⁹⁴.

Письменные и археологические памятники не дают никаких оснований для такого рода утверждений. Буржуазные историки, говоря о господстве хазар в Киеве, обычно ссылаются на «Повесть временных лет», сохранившую свидетельство о дани полян хазарам. Но они не хотят замечать одну деталь: в источнике сказано о дани мечами⁹⁵, что говорит скорее об отказе полян платить дань хазарам. Источники позволяют сделать вывод об уплате дани хазарам славянскими племенами радимичей, вятичей и северян в период наивысшего могущества Хазарского каганата. Однако славянские земли никогда не входили в состав каганата, а лишь граничили с ним (его северо-западная граница проходила по нижнему Дону)⁹⁶. Сообщения письменных источников и археологические материалы рисуют хазар кочевниками, переходившими к оседлости. Хазария почти ничего не производила, но использовала свое положение таможенной заставы на важных путях международной торговли⁹⁷.

С активизацией в послевоенное время сторонников теории непрерывного подчинения славян другими племенами связано появление в переработанном и расширенном виде работы Г. В. Вернадского о венгерском господстве в Киеве, впервые напечатанной в 1939 году⁹⁸. Опираясь главным образом на хронику Анонима — нотариуса венгерского короля Белы III, сочинившего в начале XIII в. в целях оправдания агрессивных устремлений венгерских феодалов в отношении русских земель миф о покорении вождем венгров Альмошем Киева в конце IX в., Г. В. Вернадский развивает мысль о подчинении Киевской земли венграм-кочевникам. Интересы последних якобы представляли здесь князья Аскольд и Дир⁹⁹. Исследователь славяно-венгерских связей венгерский историк И. Перени на основе анализа источников пришел к выводу: «Нет никакого основания предполагать, что Киев когда-либо находился под владычеством венгров». Взаимоотношения венгров-кочевников и славян носили характер взаимных контактов народов-соседей¹⁰⁰.

Рассмотрение норманистских теорий убеждает в том, что не-

⁹² F. J. Kaplan. The Decline of the Khazars and the Rise of the Varangians. «American Slavic and East European Review». New York. Vol. 13, 1954, № 1, p. 2, 4, 8.

⁹³ S. Szyszman. Les Khazars. Problèmes et controverses. «Revue de l'histoire de religions». T. 152, № 2. Paris. 1957, p. 174—221.

⁹⁴ J. Brutzkus. The Khazar Origin of Ancient Kiev. «Slavonic and East European Review» (American Series). Vol. 23, № 58. New York. 1944, p. 108.

⁹⁵ ПВЛ, I, стр. 16.

⁹⁶ Б. А. Рыбаков. Русь и Хазария. «Академику Б. Д. Грекову в день его 70-летия». Сборник статей. М. 1952, стр. 76—88; его же. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси. СА, 1953, XVIII, стр. 150.

⁹⁷ «Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР», стр. 720, 722.

⁹⁸ G. Vernadsky. Lebedia. Studies on the Magyar Background of Kievan Russia. «Byzantion». T. 14, f. 1—2. Bruxelles 1939, p. 179—203.

⁹⁹ G. Vernadsky. Lebedia. Studien über den magyarischen Hintergrund des Kiewer Russland. В книге: G. Vernadsky und M. de Fernandy. Studien zur ungarischen Frühgeschichte. München. 1957.

¹⁰⁰ И. Перени. Взаимоотношения между венграми и восточнославянскими племенами. «Studia Slavica». T. 2, № 1—4. Budapest. 1956, p. 24, 28.

которые буржуазные историки пытаются выбросить за борт мировой истории развитие славянского общества и стараются доказать, что достойны изучения лишь народы, якобы осуществлявшие господство над славянами.

От сторонников вышеизложенной концепции мало чем отличаются те буржуазные историки, которые, подчеркивая «творческую» роль варягов, связывают с их появлением в Восточной Европе возникновение классов у славян. Английский историк Л. Сегал считает, например, что «в результате занятия страны завоевателями сформировались военная и торговая касты, освобожденные от обложения налогами, которые взимались с местного населения»¹⁰¹. О решающем участии варягов в формировании господствующего класса славян говорит французский историк Г. Вельтер. «Варяги,— пишет он,— дали восточным славянам понятие государства и образцы некоторых институтов... Во всяком случае представляется вполне очевидным, что вскоре после утверждения скандинавов на Днепре коллективное имя «Русь» стало обозначать правящий класс... Затем «Русь» стала обозначать бассейн среднего Днепра и, наконец, народность, образованную восточными славянами. Таким образом, этот термин применялся последовательно для обозначения общественного класса, области и народа»¹⁰². Г. Вельтер выступает как сторонник теории «социального происхождения» Руси, некоторое время тому назад имевшей хождение в нашей историографии¹⁰³. Он руководствуется этой теорией в сочетании с норманизмом для «доказательства» неспособности славян к самостоятельному историческому творчеству.

Особое пристрастие к этой концепции питают реакционные немецкие историки. Так, О. Хетцш заявляет, что германцы-варяги «дали славянам и властителей и социальные институты»¹⁰⁴. Современный западногерманский историк Х. Флейшхакер проводит более осторожно ту же мысль, представляя возникновение социального деления в Киевском государстве как результат «беспорядочного наслоения князей варяжского происхождения и их потомков на общинные союзы восточнославянских племен»¹⁰⁵. Политический смысл такого рода утверждений состоит в попытке оправдать претензии германского империализма на господство над славянскими народами и подвести «историческую базу» под нынешний реваншизм. Взгляды на решающую роль варягов в классообразовании у восточных славян разделяют также французские¹⁰⁶, американские¹⁰⁷, английские историки¹⁰⁸ и русский эмигрант П. Б. Струве¹⁰⁹. Пытается обосновать тезис о том, что социальные институты пришли к славянам с Запада, и упоминавшийся выше С. Х. Кросс. Он повторил старую догадку о «готическом, западногерманском происхождении» термина «князь»¹¹⁰. Латышский археолог-эмигрант Ф. Балодис заявляет, что антропологические исследования якобы подтверждают наличие на Руси до XII в. «варяжско-

¹⁰¹ L. Segal. Указ. соч., стр. 12.

¹⁰² G. Welter. Указ. соч., стр. 19, 32, 36.

¹⁰³ С. В. Юшков. К вопросу о происхождении русского государства. «Ученые записки» Московского юридического института НКЮ СССР. Вып. 2. 1940, стр. 53; его же. К проблеме образования феодального государства. М. 1948; его же. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М. 1949.

¹⁰⁴ O. Hoetzsch. Grundzüge der Geschichte Rußlands. Stuttgart. 1949, S. 21.

¹⁰⁵ «Handbuch der Weltgeschichte». Hrsg. von A. Randa. Bl. I. Ollen und Freiburg. 1954, S. 937.

¹⁰⁶ M. Lheritier. La Russie des Tzars jusqu'au XIX siècle. Paris. 1946, p. 33; B. Gille. Указ. соч., стр. 17.

¹⁰⁷ H. G. Pratt and H. L. Moore. Указ. соч., стр. 19.

¹⁰⁸ B. Pares. A History of Russia. London. 1949, p. 54.

¹⁰⁹ П. Б. Струве. Указ. соч., стр. 5, 30, 36.

¹¹⁰ S. H. Cross. Primitive Civilization of the eastern Slavs, p. 62.

го слоя», поскольку варяги, по его мнению, являлись господствующим классом и князьями у восточных славян¹¹¹.

Теории варяжского происхождения господствующего класса на Руси противостоит весь фактический материал, который характеризует процесс имущественной дифференциации, выделения классов и местное, славянское происхождение феодалов. Последние фигурируют в источниках времени существования Древнерусского государства (летописи, «Русская Правда», договоры Руси с греками) в качестве князей, бояр, дружинников, представляя уже сложившийся и оформившийся класс феодалов. Благодаря успехам советской археологии появилась возможность представить картину складывания этого класса и его этнический состав. Об имущественной дифференциации славянского населения и сосредоточении богатств в руках племенной верхушки говорят клады, содержащие продукцию местного ювелирного производства. Наиболее ранние из них относятся к VII—VIII вв. (два клада с Пастырского городища), VIII в. (из с. Харьевки), VIII—IX вв. (из с. Ивахники). Удалось определить, что Харьевский клад принадлежит представителю славянского населения, оставившего памятники волынцевского типа (ранний слой роменской культуры)¹¹².

Этническую принадлежность класса древнерусских феодалов исследователи определили на основе материалов так называемых дружинных погребений, то есть погребений вооруженной землевладельческой знати. Дружинные курганы с характерным для них обрядом погребения и инвентарем датируются IX—X веками. К этому времени господствующий класс уже сложился и юридически оформился. К раннему этапу формирования класса феодалов относится Волынцевский могильник VII—VIII вв. (на р. Сейм). Здесь из девятнадцати погребений три выделяются количеством и характером находок (украшения, остатки военного снаряжения); в погребальном обряде прослеживаются элементы, свойственные дружинным погребениям. Славянская принадлежность богатых погребений несомненна¹¹³. Советские археологи доказали также славянскую принадлежность древнерусских дружинников X века. Вывод этот был сделан на основе сопоставления вооружения и снаряжения русских и скандинавских дружинников того времени: скандинавы часто пользовались копьями и боевыми топорами, на Руси такие виды холодного оружия были редки; шлем на Руси вытянут кверху, а у скандинавов он конической формы; русские дружинники носили кольчугу, скандинавы — кожаный доспех. Археологический материал дружинных курганов убедительно свидетельствует о том, что русские дружинники X в. не были норманнами¹¹⁴. Славянский характер дружинных погребений подтверждают памятники такого рода в Киеве¹¹⁵, Чернигове¹¹⁶, Гнездове и Ярославском Поволжье¹¹⁷. В последнее время в результате изучения дружинных погребений в русских деревнях XI—XII вв. удалось установить, что основная их масса «оставлена (судя по многочисленным деталям погребального обряда и вещевых комплексов) такими же местными жителями, как и

¹¹¹ F. Balodis. Handelswege nach dem Osten und die Wikinger in Russland. Lund, 1948, S. 357.

¹¹² «Нариси...», стр. 375.

¹¹³ Д. Т. Березовец. Исследования на территории Путивльского района Сумской области. «Археологічні пам'ятки УРСР». Т. 3. Київ, 1955, стр. 242—250.

¹¹⁴ А. В. Арциховский. Русская дружина по археологическим данным. «Историк-марксист», 1939, кн. I, стр. 194.

¹¹⁵ М. К. Каргер. Указ. соч., стр. 218—220; Л. А. Голубева. Киевский некрополь. «МИА», № 11, 1949, стр. 114.

¹¹⁶ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. «МИА», № 11, 1949, стр. 53; Д. И. Блифельд. Раскопки курганов в Чернигове. «КСИА», № 4, 1955, стр. 234.

¹¹⁷ Д. А. Авдусин. Варяжский вопрос по археологическим данным. «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК». Вып. 30. М.-Л., 1949, стр. 12—13 (далее — КСИИМК).

те, которые погребены без оружия и украшений в более скромных курганах на том же деревенском кладбище»¹¹⁸.

Археологи прослеживают процесс формирования господствующего класса на Руси также по остаткам укрепленных жилищ феодалов — замков или усадеб. В источниках они фигурируют под именем «градов» и «хором». Остатки этих деревянно-земляных укреплений, сооруженных еще до образования Древнерусского государства, сохранились в бывшей земле древлян (Искоростень), на Княжей Горе (в устье Роси), в Капелле, Любече и в других местах¹¹⁹. Археологам удалось проследить возникновение такого рода укреплений из оборонительных сооружений общинников. О превращении общинного убежища в замок, «град», можно составить представление по материалам городища и прилегавшего к нему селища Хотомель (на р. Горыни в Белоруссии). Памятник этот датируется VIII—IX веками. В отличие от прилегающего к нему селища на городище не сохранилось орудий труда, но здесь найдено большое количество вооружения и конского снаряжения, дорогие украшения. Такое соотношение находок на городище и селище позволяет предполагать, что уже в VIII—IX вв. общинное убежище превратилось в местопребывание богатой и хорошо вооруженной племенной верхушки — зародыша будущей дружины¹²⁰. Наиболее ранний замок (IX в.) известен по раскопкам городища и селища у хутора Половецкого (Киевская область)¹²¹. Обобщая материалы об изменении социальных функций крепостных сооружений в период до и после образования Древнерусского государства, П. А. Раппопорт пришел к выводу, что «если островные и мысовые городища, не имеющие замкнутого вала, в VIII, IX, а отчасти и в X вв. являются укрепленными общинными поселениями, то такие же городища X и особенно XI—XIII вв. — это уже остатки укрепленных сельских поселений типа владельческого двора, причем очень вероятно, что эти типы укрепленных поселений часто непосредственно перерастали один в другой»¹²².

В той картине становления господствующего класса на Руси, которая воссоздается археологией, не остается места для «творческой» роли варягов, о которой твердят сторонники норманской теории. Письменные памятники (летопись, договоры Руси с греками) и археологические материалы (немногочисленные погребения скандинавов) свидетельствуют не о решающей роли норманнов в создании господствующего класса на Руси, а лишь о вхождении скандинавских выходцев в его состав, о службе отдельных варягов у русских князей в качестве воинов, послов и купцов. Такая роль варягов признается и марксистской историографией¹²³.

Сторонники взгляда на норманнов как на создателей классового общества на Руси и на основу господствующего класса в Киевском государстве довольно многочисленны среди нынешних норманистов. Используя исторически достоверный факт вхождения отдельных представителей варяжских дружин в состав класса феодалов на Руси, буржуазные исто-

¹¹⁸ М. Х. Алешковский. Курганы русских дружинников XI—XII вв. СА, 1960, № 1, стр. 86.

¹¹⁹ В. А. Богусевич. Похождения и характер древнерусских мест Наддніпрянщини. «Археологія», V, 1951, стр. 37; В. И. Довженко. Про дофеодальний період в історії Русі. «Археологія», VI, 1952, стр. 11—12; М. Ю. Брайчевский. К происхождению древнерусских городов. «КСИИМК». Вып. 41, 1951, стр. 33; П. Н. Третьяков. Древлянские грады. «Академику Б. Д. Грекову в день его 70-летия», стр. 67.

¹²⁰ Ю. В. Кухаренко. Раскопки на городище и селище Хотомель. «КСИИМК». Вып. 68, 1957, стр. 91; его же. Некоторые итоги изучения Припятского Полесья. «КСИА», т. 7, 1957, стр. 92; И. П. Русанова. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян. СА, 1958, № 4, стр. 45.

¹²¹ В. И. Довженко. Раскопки древнерусских памятников на Роси в 1956 году. «КСИА», 1959, № 8, стр. 154.

¹²² П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. М.-Л. 1956, стр. 38.

¹²³ «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.». Ч. I. М. 1953; H. Łowmiański. Zagadnienie roli normanów., s. 178.

рики пытаются обосновать свои утверждения о господстве варягов над славянами.

Реакционный характер таких взглядов на роль норманнов проявляется не только в его совершенно определенной политической окраске, но также и в его влиянии на освещение буржуазной историографией вопроса о характере Древнерусского государства. Дело в том, что в современной буржуазной историографии многие историки разделяют концепцию, высказанную в свое время В. О. Ключевским, который полагал, что «учреждения, социальные отношения, нравы, успехи знания и искусства, даже нравственно-религиозной жизни были прямыми или отдаленными последствиями совокупного действия... волостного торгового города и внешней торговли»¹²⁴. Сторонники «торговой теории» имеются в современной американской¹²⁵, английской¹²⁶, западногерманской¹²⁷, французской¹²⁸, швейцарской¹²⁹, итальянской¹³⁰ буржуазной историографии. Особенно защищают основные положения этой теории историки-эмигранты¹³¹. Один из них, М. Карпович, выступил с любопытным признанием, что освещение характера Древней Руси по В. О. Ключевскому принято нынешними буржуазными авторами в качестве противовеса марксистской трактовке сущности Киевского государства¹³² как феодального.

Знакомство с работами авторов, придерживающихся «торговой теории», показывает, что в массе своей они являются приверженцами норманизма. Это не случайный факт. Широкое распространение в современной буржуазной литературе «торговой теории» объясняется, на наш взгляд, той ролью, которую выполняет эта теория в деле «обоснования» норманистами тезиса о варягах как создателях социального строя Древней Руси, как основе господствующего класса Киевского государства. Согласно этому тезису, Древнерусское государство было основано норманнами — воинами и торговцами, составившими в нем господствующий слой, поскольку само государство носило торговый характер. Таким образом, необходимость «обоснования» норманистских концепций обусловила сохранение и использование в буржуазной литературе «торговой теории» В. О. Ключевского. Признание же Древнерусского государства феодальным потребовало бы от норманистов «превращения» варягов в землевладельцев. Осуществить такое «превращение» без риска быть уличенным в фальсификации гораздо труднее, чем просто воспользоваться традиционным взглядом на внешнюю торговлю как на движущую силу и характер-

¹²⁴ В. О. Ключевский. Курс русской истории. Сочинения. Т. I. М. 1956, стр. 103.

¹²⁵ R. J. Kerner. *The Urge of the Sea. The Course of Russian History*. Berkeley and Los Angeles, 1946, p. 13, 14; M. T. Florinsky. Указ. соч., стр. 7, 8, 16, 21, 37. (См. разбор этой книги в рецензии И. Минца, Л. Черепнина и Е. Дружининой. «Коммунист», 1954, № 11, стр. 121—128); S. Harsave. Указ. соч., стр. 10.

¹²⁶ B. Pares. Указ. соч., стр. 54, 60; B. H. Sumner. *Survey of Russian History*. 2-d ed. London, 1947, p. 23; R. D. Charques. Указ. соч., стр. 21.

¹²⁷ P. Sethe. Указ. соч., стр. 24, 26; O. Hoetzsch. Указ. соч., стр. 21, 26, 28, 31; «Handbuch der Weltgeschichte», S. 929—930.

¹²⁸ P. Pascal. *Histoire de la Russie des origines à 1917*. 3-me ed. Paris, 1957, pp. 6—7; B. Gille. Указ. соч., стр. 20—21.

¹²⁹ G. de Reynold. *Le monde russe*. Paris, 1950, pp. 77, 93, 94; F. Giterman. *Geschichte Russlands*. Bd. I. Zürich, 1944, S. 30, 34, 35, 69, 71, 72.

¹³⁰ E. Lo Gatto. *Storia della Russia*. Firenze, 1946, p. 29; его же. *Momenti e figure della storia russa*. Rocca san Casciano, 1953.

¹³¹ С. Г. Пушкирев. *Обзор русской истории*. Нью-Йорк, 1953, стр. 17, 22, 57; B. Nikolsky. *Le peuple russe. Sa carrière historique*. 862—1945. Neuchâtel, 1945, pp. 28, 29, 45; К. И. Зайцев. *Киевская Русь*. 2-е изд., Шанхай, 1949. Содержание работы нам известно по рецензии Г. В. Вернадского: «Speculum», Cambridge, Mass., Vol. 26, 1951, p. 434; G. Vernadsky. *Kievan Russia*. 2-d ed. New Haven, 1951, pp. 18, 99, 107—111, 115—121, 172.

¹³² M. Karpovich. *Klyuchevski and Recent Trends in Russian historiography*. «Slavonic and East European Review», Vol. 31, № 1, 1943, pp. 32, 33, 39.

ную черту Древней Руси. Современные норманисты не только используют давно устаревшие взгляды отдельных русских дореволюционных историков, но и сознательно увековечивают их. Таким образом, норманизм превращается в серьезный тормоз, препятствующий прогрессу в науке.

Современному норманизму свойственно также стремление как-то согласовать догмы норманской теории с новыми взглядами на характер Древнерусского государства. Эта тенденция нашла отражение в работе французского историка М. Леритье, который говорит о привнесении варягами феодальных отношений¹³³. Американский историк В. Кирхнер пишет о проникновении феодальных отношений на Русь с Запада¹³⁴. Конечно, оба историка понимают под феодализмом не соответствующий способ производства, а лишь отношения между отдельными группами господствующего класса. Необоснованность тезиса о привнесении феодальных отношений в Восточную Европу варягами становится очевидной при рассмотрении данных о формировании классов феодального общества на Руси, с одной стороны, и при знакомстве с материалами, характеризующими недостаточную степень феодализации самой Скандинавии в IX в., — с другой. Известно, что последняя вступила на путь феодального развития только в IX—XI веках. Раннефеодальное государство в Швеции оформилось лишь в XI в., в период расцвета Древнерусского государства¹³⁵.

Показательно, что некоторые норманисты в последнее время предпринимают попытки изобразить варягов уже не в роли торговцев или основателей «торгового» государства, а в качестве крупных землевладельцев, более того, создателей крупного землевладения на Руси. Именно в этом духе трактует роль норманнов американский историк Дж. Блюм. «Так как, — пишет он, — скандинавы были знакомы с институтом частного землевладения у себя на родине, то вполне возможно, что они сознательно перенесли его на русскую почву». Дж. Блюм считает достаточным основанием для такого утверждения факт... пожалования земельного владения русским великим князем Ярославом норвежскому королю Олафу, о чем сообщает Снорри Стурлусон¹³⁶. До Дж. Блюма буржуазные историки не решались на столь явное насилие над историческими фактами. Выше уже приводились данные, показывающие местную, славянскую принадлежность господствующего класса Древней Руси. Наука располагает также материалами о его землевладельческом характере с самого начала. В княжеском погребении близ Чернигова (Черная могила) были найдены земледельческие орудия — серпы. Рассредоточенность черпиговских дружинных погребений свидетельствует о появлении у дружинников земельных владений вокруг этого города¹³⁷.

Попытку «обосновать» тезис о том, что якобы варяги составили основу господствующего класса Древней Руси, предпринял также американский историк Г. Уорд в статье «Английские «датские деньги» и русская дань». Он стремится доказать, что термин «датские деньги» (danegeld), служивший для обозначения налога в Англии XI в., произошел якобы от славянского слова «дань». По мнению Г. Уорда, варяги заимствовали идею налога-дани в Византии, стали собирать его с подвластных им славян, а затем перенесли это славянское название в Англию¹³⁸. Г. Уорд не утруждает себя объяснением признанного им же факта устойчивого

¹³³ M. Lheritier. Указ. соч., стр. 34.

¹³⁴ W. Kirchner. An Outline History of Russia. 2d ed. New York. 1950, p. 24.

¹³⁵ «Всемирная история». Т. III. М. 1957, стр. 196, 198.

¹³⁶ J. Blum. The Beginnings of Large-scale Private Landownership in Russia. «Speculum». Vol. 28, № 4. Cambridge, Mass., 1953, pp. 780, 789, 784. Взгляд автора на варягов как на создателей крупного землевладения изложен им также в статье о происхождении крепостничества в Восточной Европе («The Rise of Serfdom in Eastern Europe», «American Historical Review». Vol. 62, № 4, New York. 1957, p. 814).

¹³⁷ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова, стр. 51.

¹³⁸ G. F. Ward. The English Danegeld and the Russian Dan. «American Slavic and East European Review». Vol. 13, № 3. New York. 1954, pp. 301—316.

существования именно славянского названия налога. Не интересует его и причина употребления варягами славянского, а не скандинавского названия налога.

Этот американский историк полностью игнорирует то, что дань с населения взималась славянскими князьями еще до образования Древнерусского государства, а в дальнейшем она превратилась в феодальную продуктовую ренту, господствовавшую на Руси до XI века ¹³⁹.

Западногерманский историк Г. Штёкль стремится использовать общепризнанный ныне факт наличия в Древней Руси многочисленных городов для доказательства... варяжского господства. С этой целью он представляет древнерусский город лишь как место средоточия внешней торговли ¹⁴⁰, хотя после работ советских исследователей ¹⁴¹ характер города Древней Руси как центра ремесла и развивавшейся на базе последнего торговли не вызывает больше никаких сомнений.

В более замаскированном виде проводят мысль о неспособности славян к самостоятельному историческому творчеству норманисты, подчеркивающие роль варягов в качестве организующей силы на славянской земле. Такую точку зрения разделяют американские историки К. Мэннинг ¹⁴² и А. Спектор. Последний изображает предводителя варяжской дружины Рюрика как «прекрасного организатора, оставившего после себя правительственный аппарат, который можно считать действительно превосходным...» ¹⁴³. Для швейцарского историка Г. Рейнольда такого рода организатором является варяжский князь Олег ¹⁴⁴. Западногерманский историк П. Зете также отводит организаторскую роль варягам ¹⁴⁵. Тезис о варягах-организаторах постоянно служил норманистам для обоснования идеи о многовековом германском влиянии на Россию. Так, французский славист М. Эрман, считая, что организующее влияние немцев являлось будто бы одной из характерных черт русской истории, делает попытку показать это влияние, начиная с «представителя скандинавской династии Рюрика, организовавшего первое русское государство», вплоть до... деятельности немецких инженеров в СССР в годы первых пятилеток ¹⁴⁶. Но подобные заключения не имеют, конечно, никакой реальной почвы. В построениях сторонников концепции о варягах-организаторах засвидетельствованные источниками факты найма русскими князьями варяжских дружин и службы отдельных варяжских предводителей у этих князей в качестве военачальников, дипломатов подменяются вымыслом об исключительной роли этих деятелей.

Приверженцы концепции, отводящей варягам роль «организаторов» Древнерусского государства, не желают принимать во внимание свидетельства источников о существовании у славян государственности еще

¹³⁹ С. В. Юшков. Эволюция дани в феодальную ренту в Киевском государстве в X—XI вв. «Историк-марксист». 1936, кн. 6, стр. 134—138; В. И. Довженко. К истории земледелия у восточных славян в I тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси. «Материалы по истории земледелия СССР». Т. I. М. 1952, стр. 158—159; М. Ю. Брайчевский. Про початкову форму феодальної експлуатації в Київській Русі, «Вісник АН УРСР», Київ. 1959, № 4, стр. 64.

¹⁴⁰ G. Stöckl. Russland und Europa vor Peter dem Grossen. «Historische Zeitschrift». Bd. 184, H. 3. München. 1957, S. 537.

¹⁴¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М. 1948, стр. 99; М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М. 1956.

¹⁴² C. A. Manning. The Story of the Ukraine. New York. 1947, p. 32.

¹⁴³ I. Spector. An Introduction to Russian History and Culture. New York, 1950, p. 9.

¹⁴⁴ G. de Reynold. Указ. соч., стр. 75.

¹⁴⁵ P. Sethe. Указ. соч., стр. 6.

¹⁴⁶ M. Herman. Quelques caractères de l'histoire russe. «Revue des sciences humaines». Fasc. 50. Paris. 1948, p. 50.

до появления варягов на Руси. Когда норманны пришли на земли восточных славян, они застали там уже государственные образования, называемые «Повестью временных лет» «княжениями». Этот источник упоминает княжения у полян, древлян, дреговичей, новгородских словен, полочан¹⁴⁷. «Повесть временных лет» сохранила имена славянских князей, возглавлявших первые государственные образования на Руси. Таков древлянский князь Мал, считавший себя, по свидетельству летописи, равным киевской княгине Ольге¹⁴⁸. Из «Поучения» Владимира Мономаха известно о существовании у вятичей еще в XI в. своего княжения во главе с Ходотой¹⁴⁹. Древнейший Киевский свод 1039 г. сообщает о киевских князьях Аскольде и Дире¹⁵⁰. О Дире, «первом из славянских царей», упоминает восточный автор Масуди¹⁵¹ (первая половина X в.). Никоновская и ряд других летописей сохранили сведения о новгородском старейшине Гостомысле¹⁵². «Житие Стефана Сурожского» говорит о набеге «новгородского князя» Бравлина на Сурож в 838 году¹⁵³.

К концепции об организующей роли варягов близка версия о варягах как объединителях восточного славянства. Выдвинута она была в свое время С. М. Соловьевым¹⁵⁴. Современные норманисты использовали также и эту старую точку зрения¹⁵⁵. Последняя содержит в себе косвенное признание существования отдельных государств на Руси и до прихода варягов.

Древнерусское государство действительно образовалось в результате объединения нескольких государственных образований в единое целое. Такое объединение, конечно, не могло быть следствием деятельности отдельных исторических лиц. Возникновение государственного единства восточных славян явилось завершением многостороннего процесса объединения славянских племен. Повсеместное распространение памятников роменского типа на территории расселения в VIII—X вв.¹⁵⁶ служит доказательством создания к этому времени единства материальной культуры восточных славян. Наличие в различных восточнославянских землях идентичных по обряду и инвентарю погребений землевладельческой знати (дружинные погребения) IX—X вв. и возникновение здесь замков свидетельствуют о примерно одинаковом уровне социально-экономического развития этих земель. Между ними складывались торговые и культурные связи: в Новгороде, например, найдены вятичские, радимичские и кривичские украшения¹⁵⁷. Определение топографии роменских городищ VIII—X вв. на левобережье Днепра позволило проследить процесс политического объединения в рамках отдельных областей. Эти городища обычно группировались в гнезда, включавшие пять—восемь поселков. Центрами таких гнезд выступали поселки-грады, выросшие впоследствии в настоящие города, упоминаемые летописями (Путивль, Рыльск, Курск, Лубен и др.)¹⁵⁸. Эти данные говорят об объективности исторического процесса создания государственного единства восточных славян и решитель-

¹⁴⁷ ПВЛ, I, стр. 13.

¹⁴⁸ Там же, стр. 40.

¹⁴⁹ Там же, стр. 159.

¹⁵⁰ А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 320—322.

¹⁵¹ А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 137.

¹⁵² Полное собрание русских летописей. Т. IX. СПб. 1862, стр. 3.

¹⁵³ В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. CCLXIX—CCLXXI.

¹⁵⁴ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. I. М. 1950, стр. 130.

¹⁵⁵ В. Pares. Указ. соч., стр. 47; N. Ottokar. Compendio di storia della Russia. Firenze. 1950, p. 10; O. Halecki. Указ. соч., стр. 33—35.

¹⁵⁶ И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения..., стр. 38—39.

¹⁵⁷ М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). «МИА». 1959, № 65, стр. 261.

¹⁵⁸ И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения..., стр. 40; «Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР», стр. 852.

но опровергают утверждения норманистов, отводящих варягам роль объединителей восточного славянства.

Одна из групп нынешних норманистов использует исторически достоверный факт привлечения славянскими князьями скандинавских наемников для того, чтобы изобразить варягов защитниками славянских земель от иноземных захватчиков. Этот прием дает буржуазным историкам возможность умалчивать о борьбе славянских племен против кочевников, имевшей большое значение для развития народов Европы. Наиболее определенно на этот счет высказывается В. Кирхнер, считающий, что сами славяне не были будто бы способны защитить свои земли от внешних вторжений¹⁵⁹. Чешский историк-эмигрант Ф. Дворник рассматривает скандинавов как защитников славян от кочевых орд¹⁶⁰.

М. Т. Флоринский использует ту же версию для «обоснования» своего мнения о благотворности «варяжского завоевания»¹⁶¹. Однако известно, что основную тяжесть военных мероприятий Древнерусского государства выдерживали войска, состоявшие из крестьян — смердов (источники их называют воями). Происхождение свое они вели от народного ополчения эпохи военной демократии. Варяги же представляли собою незначительную часть профессионального войска киевского князя — его дружины, подавляющую массу которой составляли воины-славяне¹⁶².

Приписывание варягам роли организаторов, объединителей и защитников славян необходимо норманистам для воскрешения реакционных идей о неполноценности славянских народов, нуждающихся якобы в постоянном руководстве со стороны иноземцев. Историк Германской Демократической Республики проф. Г. Мюльпфорт справедливо заметил, что в Западной Германии оживление такого рода взглядов свидетельствует об усилении реваншизма¹⁶³.

Особенностью современного состояния варяжской теории является активизация сторонников норманской колонизации Восточной Европы, в том числе и земледельческой. Концепция эта была выдвинута сравнительно давно¹⁶⁴. Английский историк Н. Чэдвик пыталась в послевоенные годы придать более основательный вид тезису о потоке скандинавских переселенцев в славянские земли¹⁶⁵. Акад. М. Н. Тихомиров показал, что в силу плохого знания русских источников, переоценки скандинавских слг, игнорирования советской литературы и трудов А. А. Шахматова сочинение Н. Чэдвик представляет собой «плод самонадеянной и невежественной стряпни»¹⁶⁶. Даже буржуазный историк Э. Амбургер был вынужден признать, что работа Н. Чэдвик «лишена основательности и достоверности»¹⁶⁷. Ясно, что не научные качества, а норманистские выводы привлекут

¹⁵⁹ W. Kirchner. Указ. соч., стр. 8.

¹⁶⁰ F. Dvornik. The Making of Central and Eastern Europa. London. 1949, p. 61.

¹⁶¹ М. Т. Florinsky. Указ. соч., стр. 8.

¹⁶² Б. Д. Греков. Организация військових сил східних слов'ян і Київської держави. «Наукові записки АН УРСР. Інститут історії і археології». Кн. 2, Київ, 1946; Б. Н. Довженко. Військова справа в Київській Русі. Київ, 1950.

¹⁶³ G. Hilke. Zwei Tendenzen in der antisowjetischen westdeutschen Geschichtsschreibung. «Forum», Jg. 10, Berlin. 1 Apr. 1956, S. 3.

¹⁶⁴ К. Тиандер. Датско-русские исследования. Т. III. Птрг. 1915, стр. 172; F. Braun. Das historische Russland im nordlichen Schrifttum. «Festschrift für Eugen Högk». Halle. 1924.

¹⁶⁵ N. K. Chadwick. The Beginnings of Russian History. An Enquiry into Sources. Cambridge. 1946, p. 13.

¹⁶⁶ М. Н. Тихомиров. Откровения Чэдвик о начале русской истории. «Вопросы истории». 1948, № 4, стр. 113—115.

¹⁶⁷ E. Amburger. Указ. соч., стр. 147.

ли внимание реакционного историка А. Г. Мазура к этой работе, которая получила незаслуженную похвалу с его стороны¹⁶⁸.

Характер воззрений приверженцев варяжской колонизации явствует из статьи С. Х. Кросса «Проникновение скандинавов в Древнюю Русь». Открыто заявляя себя сторонником норманизма (по его мнению, имеется якобы «достаточно доказательств правильности норманской теории»), он подчеркивает культуртрегерский характер шведской колонизации. Скандинавы, пишет он, принесли славянам оружие, гончарное производство, металлические вещи, навыки в кораблестроении. На Руси викинги, по мысли С. Х. Кросса, были заинтересованы в устройстве торговых поселений, ибо славяне были будто бы «слишком скромно одарены природой, чтобы предоставить норманнам богатую добычу»¹⁶⁹. Начав с изображения варягов как носителей культуры, С. Х. Кросс приходит к выводу о якобы низком культурном уровне жителей колонизируемой территории.

Тщательное изучение советскими историками вопроса о варяжских колониях и о роли варягов в развитии славянской культуры свидетельствует о том, что для подобных утверждений нет никаких оснований. Русские источники вообще не знают варяжских колоний. Казалось бы, факт существования таких колоний на славянских землях должен был найти отражение в памятниках древнесеверной литературы. Однако Е. А. Рыдзевская, изучавшая эти источники, не могла не отметить, что в них «нет ни намека на какие-нибудь скандинавские поселения в Ладоге и Приладожье», в местах, лучше всего известных варягам. Заслуживает внимания также наблюдение Е. А. Рыдзевской о том, что один из наиболее древних русских городов, Ладога, существовавший уже в VII—VIII вв., впервые упоминается (под именем Альдейгьюборга) в скандинавских сагах лишь в конце X века¹⁷⁰. Данные топонимики также не дают оснований говорить о колонизационном движении варягов на Русь¹⁷¹.

Имеющиеся археологические материалы полностью опровергают утверждения сторонников варяжской колонизации о заимствовании славянами техники сельскохозяйственного и ремесленного производства у скандинавов. Особенно убедительны в этом отношении данные раскопок в Ладоге, которая была хорошо известна скандинавам. Установлено, в частности, что это древнее славянское поселение превратилось в город в течение VII—IX веков. Железный сошник VII в., найденный здесь, свидетельствует о наличии пашенного земледелия. Культурные слои Ладоги VII—IX вв. говорят о развитии в городе в то время ремесла, в том числе ремесленной металлургии VII в., о торговле с далекими областями¹⁷².

Археологические материалы полностью опровергают тезис норманистов о том, что скандинавы якобы принесли на колонизованную ими Русь производство металлических и гончарных изделий, оружия, кораблестроение и т. п. К настоящему времени в результате раскопок получены многочисленные данные о развитии на Руси металлодобывающей и металлообрабатывающей промышленности. В Пскове найдены льячки, тигельки, каменные формочки, плавильные горны и орудия труда кузнецов VIII века¹⁷³. Аналогичный горн VIII—X вв. обнаружен в бассейне

¹⁶⁸ «The Pacific Historical Review». Vol. 16, № 1, Berkeley and Los Angeles, 1947. p. 68.

¹⁶⁹ S. H. Cross. The Scandinavian Infiltration into Early Russia. «Speculum». Vol. 21, № 4. Cambridge, Mass., 1946, pp. 505—514.

¹⁷⁰ Е. А. Рыдзевская. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе. «КСИИМК». Вып. II. М.-Л. 1945, стр. 51, 56.

¹⁷¹ Е. А. Рыдзевская. К варяжскому вопросу. «Известия АН СССР», 7-я серия. Отделение общественных наук, № 8, Л. 1934, стр. 616.

¹⁷² В. И. Равдоникас. Старая Ладога. «СА», 1950, XII, стр. 38—40.

¹⁷³ С. А. Тараканова. Новые материалы по археологии Пскова. «КСИИМК». Вып. 33. 1950, стр. 57—58.

верхней Оки¹⁷⁴. Материалы раскопок роменско-боршевского городища у Кузнецовой дачи (около Воронежа) VIII—X вв., где обнаружена железоделательная мастерская, дают основание сделать вывод о разделении к этому времени металлургии и металлообработки¹⁷⁵. Новгородские ремесленники пользовались десятью технологическими приемами обработки металла, сложившимися к концу I тысячелетия н. э.¹⁷⁶. Благодаря применению спектрального анализа удалось установить, что в Гнездове, которое норманисты считают варяжской колонией, из местных руд производились все металлические изделия, от гвоздей до мечей. Тем самым была решительно опровергнута давнишняя версия норманистов о бытовании на Руси варяжских мечей¹⁷⁷. На основе изучения всей массы имеющегося археологического материала Б. А. Колчин установил, что «никакого перелома в развитии техники добычи и обработки черных металлов в связи с появлением на территории Древней Руси варяжских отрядов не произошло. В IX в. уже были созданы все основные виды и конструкции орудий труда, оружия и инструментов...»¹⁷⁸.

Утверждениям норманистов о культуртрегерской роли варягов решительно противостоит факт широкого распространения керамики, изготовленной в IX—X вв. на гончарном кругу, в Киеве, Смоленской земле и Новгороде. В то же время известно, что в Скандинавии такой круг стал применяться только в XI—XII веках¹⁷⁹. При раскопках городища и селища Хотомель (VIII—IX вв.) в одних и тех же комплексах вместе с лепной керамикой были найдены и гончарные сосуды с характерным для славян линейно-волнистым орнаментом, что служит доказательством появления здесь гончарного круга уже в VIII веке¹⁸⁰.

Имеются также достаточные основания для того, чтобы судить о раннем возникновении у восточных славян кораблестроения и морского дела¹⁸¹. Стоит вспомнить о морских походах восточных славян по Черному морю в конце VIII — первой половине IX в., зафиксированных византийскими источниками¹⁸².

Не могли принести норманны на Русь и производства оружия. В этом убеждает сравнение мечей, стрел, шлемов и кольчуг русских дружинников, найденных в курганах X в., с вооружением и снаряжением скандинавов¹⁸³.

Норманисты обычно используют находки вещей скандинавского происхождения на Руси для утверждений о существовании здесь норманских колоний. В действительности находки на славянской земле единичных скандинавских вещей говорят не о норманской колонизации, а о торговых и культурных связях Руси и Скандинавии. Сторонники теории колонизации не хотят замечать, что и в Скандинавии найдены вещи русского производства. Известно, что шведы восприняли типичные славянские формы глиняных сосудов. «Русская» керамика IX—XI вв. найдена

¹⁷⁴ Т. Н. Никольская. Древнерусское селище Лебедка. «СА», 1957, № 3, стр. 183.

¹⁷⁵ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. М.-Л. 1948, стр. 104—106.

¹⁷⁶ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Производство, технология). «МИА», № 65, 1959, стр. 118.

¹⁷⁷ А. В. Арциховский. Основы археологии, стр. 210.

¹⁷⁸ Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. Л. 1953, стр. 207.

¹⁷⁹ А. В. Арциховский. Основы археологии, стр. 206—207.

¹⁸⁰ Ю. В. Кухаренко. Некоторые итоги изучения Припятского Полесья. «КСИА» 1957, № 7, стр. 92.

¹⁸¹ В. В. Мавродин. Начало мореходства на Руси. Л. 1949; А. Глазман. Морское судостроение на Руси с древних времен до XVIII века. «Морской флот», 1950, № 1, стр. 34—38.

¹⁸² В. Г. Васильевский. Труды. Т. III. Пг. 1915, стр. 64—68, 95—96.

¹⁸³ А. В. Арциховский. Русское оружие X—XIII вв. «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ». Вып. 4, 1946, стр. 5—8.

в Бирке¹⁸⁴, Сигтуне, Лунде, на острове Готланд, в Дании¹⁸⁵. В Швеции и Норвегии обнаружены монеты — подражания русским монетам XI века¹⁸⁶. В Швеции встречается продукция русских эмальеров¹⁸⁷. Таким образом, наличие скандинавских вещей на Руси и русских — в Скандинавии — это лишь доказательство существовавших в рассматриваемое время торговых и культурных связей между этими областями.

Все изложенные факты не оставляют места для утверждений о варяжской колонизации славянских земель. Однако шведский археолог Т. Арне все же пытается опровергнуть выводы советских археологов о славянском характере гнездовских погребений и доказать, что Гнездово является древним Смоленском, основанным якобы скандинавами¹⁸⁸. Несостоятельность этого утверждения выявлена Д. А. Авдусиным посредством анализа археологического материала, привлеченного Т. Арне. «Из 136 названных Т. Арне курганов, — пишет Д. А. Авдусин, — лишь 1 можно считать скандинавским. Из 98 курганов, раскопанных в 1949—1953 гг., не оказалось ни одного норманского». Советский археолог с полным основанием заявляет, что статья Т. Арне — это «выпад против русского народа, не имеющий ничего общего с наукой»¹⁸⁹. Свой взгляд на роль шведов в Киевской Руси Т. Арне сформулировал в статье, в которой рассматривал изучение варяжского вопроса в советской историографии. Соглашаясь с мнением тех авторов, которые считают, что земледелие у восточных славян до IX в. было основным их занятием, Т. Арне, однако, настаивает на существовании шведских колоний в славянских землях. В Гнездове, как он полагает, была шведская колония. Это не означает, продолжает Т. Арне, что Россия была колонизована шведами так же, как Южная Америка — испанцами и португальцами. Шведские колонии, пишет он, можно сравнить скорее с опорными пунктами, основанными французами и португальцами в Индии. Это положение, по мысли Т. Арне, якобы подтверждается материалами раскопок киевского некрополя. Женские погребения, вскрытые здесь, он считает скандинавскими¹⁹⁰. Изучение советскими археологами материалов, привлеченных Т. Арне, показало несостоятельность его утверждений. В действительности данные раскопок киевского некрополя свидетельствуют о процессе классового формирования в славянском обществе и о начале христианизации господствующего класса¹⁹¹. Единичные находки здесь иноземных, в том числе и скандинавских, вещей могут служить лишь доказательством торговых связей Древнерусского государства со Швецией.

Неудачные попытки археологического обоснования теории варяжской колонизации не остановили ее приверженцев. В последние годы с рядом работ, посвященных защите данной концепции, выступил датский славист А. Стендер-Петерсен. Обращает на себя внимание его стремление отмежеваться (на словах!) от норманизма и в то же время подновить старые норманистские положения. А. Стендер-Петерсен утверждает, что между норманистами и антинорманистами «провести точную, однозначную грань... теперь уже не так легко, как это было в старину»¹⁹².

¹⁸⁴ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси, стр. 174.

¹⁸⁵ J. Kudłabek. Указ. соч., стр. 439.

¹⁸⁶ А. В. Арииховский. Основы археологии, стр. 215.

¹⁸⁷ Б. А. Рыбаков. Древнерусский город по археологическим данным. «Известия АН СССР. Серия истории и философии». Т. 7, № 3, 1950, стр. 245.

¹⁸⁸ T. J. Arne. Det vikingalida Gnezdovo Smolensk föregångare. «Arkeologiska forskningar och fynd». Stockholm, 1952, s. 335—344.

¹⁸⁹ Д. А. Авдусин. Неонорманистские измышления буржуазных историков. «Вопросы истории», 1953, № 12, стр. 114—120.

¹⁹⁰ T. J. Arne. Die Varägerfrage und die sowjetische Forschung. «Acta Archaeologica» Vol. XXIII. København, 1952, S. 140, 146.

¹⁹¹ М. К. Каргер. Указ. соч., стр. 220; Л. А. Голубева. Указ. соч., стр. 114.

¹⁹² A. Stender-Petersen. Четыре этапа русско-варяжских отношений. В книге данного автора: «Varangica», Aarhus, 1953, p. 241.

Используя концепцию о скандинавской земледельческой колонизации, он развил в своем докладе на X Международном конгрессе историков в Риме мысль об образовании Древнерусского государства в результате якобы действия трех факторов: скандинавского, византийского и славянского. Ареной взаимодействия этих факторов А. Стендер-Петерсен считает Верхневолжский каганат, образованный якобы народом шведского происхождения — Русью¹⁹³. Эти заключения изобличают в их авторе самого заурядного норманиста. Отличие взглядов А. Стендер-Петерсена от выводов других норманистов только в одном: 829, а не 862 год — дата образования скандинавами государства на Руси. Гипотеза А. Стендер-Петерсена справедливо была квалифицирована историками-марксистами «как новый вариант норманской теории»¹⁹⁴. Перед лицом наступления марксистской исторической науки норманисты вынуждены перекрашивать фасад варяжской теории, отмежевываясь от явно бездоказательных положений норманизма. Однако работы неонорманистов не теряют от этих маневров своего антинаучного характера и реакционной политической направленности. В ряде случаев новые норманисты, к числу которых принадлежит и А. Стендер-Петерсен, начав с отказа от норманистских выводов вековой давности, кончают использованием тех же взглядов и аргументации. Желая создать видимость разрыва с полностью скомпрометировавшей себя норманской теорией, А. Стендер-Петерсен характеризует первый этап русско-варяжских отношений (до IX в.) как время «этнического продвижения шведского племени Русь и его политической организации», перехода от стихийного движения шведских колонистов-земледельцев к сознательной государственно-политической экспансии под предводительством князей. Автор считает, что проникновение шведов нельзя рассматривать «ни как насильственное завоевание, ни как добровольное призывание». Но при решении вопроса о происхождении названия «Русь» А. Стендер-Петерсен подновляет теорию норманиста прошлого столетия А. А. Куника, который выводил возникновение этого термина из финского наименования шведов «Ruotsi»¹⁹⁵. Начал А. Стендер-Петерсен с утверждений о земледельческой шведской колонизации, а в последней своей книге, «Русские исследования», он стремится доказать, что варяги играли решающую роль в основании Древнерусского государства, и характеризует норманнов как воинов и торговцев¹⁹⁶.

Факт господства норманской теории в современной буржуазной историографии не вызывает сомнений. Положение об основании Древнерусского государства пришельцами-норманнами внушается рядовому читателю капиталистических стран, несмотря на то, что трудами советских ученых на основе огромной массы фактического материала воссоздана картина социально-экономического развития восточных славян, закономерным итогом которого явилось складывание государственных образований и возникновение Древнерусского государства. В этих условиях современный норманизм — во всех его формах, начиная теорией «завоевания» и кончая концепцией земледельческой колонизации, — полностью утратил характер научной гипотезы, превратившись в средство пропаганды идеи о неспособности восточнославянских народов к самостоятельному историческому творчеству.

¹⁹³ A. Stender-Petersen. Das Problem der ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen. «Relazioni del X Congresso Internazionale di scienze storiche». Vol. 3. Firenze. 1955, p. 165—188.

¹⁹⁴ Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 7; Г. Г. Литаврин. Указ. соч., стр. 386—395.

¹⁹⁵ A. Stender-Petersen. Четыре этапа... «Varangica», p. 241—262; его же. Zur Ruß-Frage. Там же, стр. 65—87.

¹⁹⁶ A. Stender-Petersen. Russian Studies. København. 1956, p. 37, 78.